

РОВЕСНИК

№ 11/87
ноябрь

ISSN 0131-5994

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК ЦК ВЛКСМ И КОМИТЕТА МОЛОДЕЖНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СССР
ИЗДАЕТСЯ С ИЮЛЯ 1962 ГОДА

ПРАВДА О ПРАВДЕ

Стефан ПРОДЕВ,
болгарский публицист

В. И. Ленин. 1910 год. Париж

В нашей великой любви к Ленину бывает что-то упрощенное. Мы склонны его обожествлять, и от этого вместо настоящего Ленина в нашем представлении рождается другой, вымышленный, у которого подлинные черты утрачивают живость, скованные эпитетами словно застывшим гипсом. Мы говорим: «Ленин жив!» — и не замечаем, как сами превращаем его в памятник. Величественную, монументальную, но холодную статую. А Ильич был чужд поз и монументальности. Он стал вождем, потому что был гениальным мыслителем. Истинным марксистом, предпочитавшим споры единоличному мнению.

Обладая огромным авторитетом, он никогда не пользовался правом вето, зато всегда превыше всего ставил право каждого говорить правду. Ленин ненавидел возвеличивание, преклонение, вознесение своей личности над коллективным разумом партии и общества. Не случайно в одном из его писем читаем такие строки: «...Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что «Цека — это я». Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления... По вопросам организационным и персональным несть числа случаям, когда я бывал в меньшинстве. Вы сами видели примеры тому много раз, когда были членом ЦК.

Зачем же так нервничать, что писать **совершенно невозможную, совершенно невозможную** фразу, будто Цека — это я»[1]. Вот сколь нетерпим был Ленин к пустым словам и преувеличениям, сколь скромен и точен в самооценке. И насколько бываем несдержанными мы, когда, захлебываясь от восторга, забываем о существеннейшей особенности его гения. Сила Ленина определялась не авторитетом того или иного органа партии и власти, который он возглавлял, а его умением убедить людей, поднять их на титанические битвы во имя революции, оказаться в их гуще самому. Он никогда не управлял единолично, приказами, поднявшись над всеми. Редактируя один из экономических документов, он заметил: «...Надо соблюдать интересы ведомств. Ведь они возражают...»[2]. В этом «Ведь они возражают» весь Ленин. Не безупречный кормчий, каким его изображает наша любовь и наше представление о величии вождя, а действительно великий человек, проникнутый демократизмом, привыкший ценить мнение других. Руководитель, умевший подводить к выбору самых правильных решений, никого не принуждая, доверием помогая людям, работавшим рядом, стать умнее и увереннее в своих силах.

Обычно «наш» Ленин, тот, которого мы, сами того не желая, превращаем в монумент, это герой фильмов «Выборгская сторона» и «Человек с ружьем», в которых все так романтично и увлекательно. И штурм Зимнего, и полки, уходящие стоять насмерть под Пулковом, и непрерывное тарахтение телеграфа, и спешащие по коридорам Смольного матросы...

Этому ставшему классическим фону соответствует кинематографический образ Ленина, созданный красочно, патетически, как символ революции. Таким он и воспринимается нами — символом победоносной революции, словно непричастным к ее неимоверным трудностям и испытаниям. А ведь Смольный знаменовал только начало. Впереди — мятеж левых эсеров, выстраданный Брест-Литовский мир, острые дискуссии в партии, борьба с Троцким и «рабочей оппозицией», кронштадтский мятеж, голод в Поволжье и на юге страны, дипломатическая дуэль с Западом, нэп.

Кажется, эти события существуют для нас сами по себе. Мы их не соединяем с постине трагическим испытанием ленинского гения. И это объяснимо: после гражданской войны и интервенции Ленин гораздо более сложен и более труден, да просто невозможен для воссоздания в традиционных гипсовых слепках и голых декларациях.

Он — в водовороте самой великой исторической бури нашего времени. В водовороте тех сложных послеоктябрьских лет, когда рождалась Советская держава. Опасность надвигалась отовсюду. Крестьяне восставали против продразверстки. Рабочие падали от голода у станков. Хозяйственники метались между ремонтом паровозов и производством ситца. На окраины Москвы прорывались недобитые банды. На Лубянке, под носом у ЧК, торговали чем угодно спекулянты, кликуши вещали о конце света. И самое страшное — Троцкий нагло и бессовестно стремился внести в партию раскол. Ленин противостоял всему, едва оправившись от ранения, невзирая на усталость и не поддаваясь отчаянию. Силой воли он сохранял бодрость духа. Ленин не раз тогда говорил: «На вопрос пессимизм или оптимизм, мы отвечаем: трезвейшая оценка зла и трудностей, бешеная страстность и беззаветность в борьбе — вот в чем залог победы нашей революции!» И сам показывал пример. Рабочий день предсовнаркома длился 16—

---

[1] *Из письма В. И. Ленина. А. А. Иоффе (Соч., т. 52, с. 100).*

[2] *Из воспоминаний Е.Я. Драбкиной «Зимний перевал» («Новый мир», 1968, № 10, с. 70).*

18 часов. В одно и то же время он спорил с Бухариным, отучал от администрирования Пятакова, принимал ходоков из Сибири и Кубани, давал инструкции Чичерину, помогал Горькому, «мягкой душе», обсуждал первые наброски плана ГОЭЛРО, писал доклады, статьи, редактировал написанные ранее работы.

Это был титанический труд, вулканическое извержение мысли гения, какого еще не знала история. Когда Владимир Ильич поздно вечером возвращался из Совнаркома домой и появлялся у стола под зеленым абажуром, в его глазах таилась глубоко скрытая усталость. Болезнь, пересиливающая его, определенная позднее в протоколе вскрытия профессором Ферстером как «склероз изнашивания», уже давала о себе знать: время от времени немела правая сторона, становилось трудно дышать, невыносимо болела голова. А ведь ему тогда, в 1922 году, было всего 52 года — самый расцвет сил! Как далек этот образ великого мыслителя и труженика, поднимавшего Россию и мир к вершинам истории, от нашего поверхностного представления о нем!

Когда мы говорим об Ильиче — великом тактике, великом стратеге революции, то мысленно привычно представляем Смольный и перед ним Ленина с простертой вперед рукой, гордо поднятой головой, в окружении знамен, в сиянии прожекторов, произносящего провидческие слова. Так, возможно, того не желая, мы превращаем гения в плакат, украшающий площади, но далеко не всегда волнующий души. И в то же время редко даем себе труд вдуматься и прочувствовать его удивительно мудрые и глубокие мысли, которые спасли партию и страну от демонов раскола и голода. Ленину приходилось спорить и убеждать тех, кто хотел одним махом, одним кавалерийским наскоком решить все задачи строительства социализма — людей, растерявшихся от новизны задач, недоучившихся догматиков. Он отстаивал правду партии от политических интриганов и забегающих вперед романтиков.

В период становления основ социалистической демократии, когда России нужно было учиться мыслить раскованно и свободно, особенно острой была борьба с Троцким и его взглядами на роль профессиональных союзов. Троцкий хотел немедленного «огосударствления профсоюзов», «завинчивания гаек». Даже больше, он хотел отнять у них моральное и юридическое право быть защитником интересов рабочего класса. Касаясь брошюры Троцкого «О роли и задачах профсоюзов» на соединенном заседании делегатов VIII съезда Советов, членов ВЦСПС и МГСПС — членов РКП(б), В. И. Ленин гневно сказал: «...я удивляюсь, какое количество теоретических ошибок и вопиющих неправильностей сконцентрировано в ней».

После этих слов Ленин развил стратегический взгляд на профсоюзы: «...это не есть организация принуждения, это есть организация воспитательная, организация вовлечения, обучения, это есть школа, школа управления, школа хозяйничания, школа коммунизма».

Излишне подчеркивать верность ленинской стратегии. Жизнь доказала ее правоту стократно. Защита пролетарских профсоюзов от левацких наскоков Троцкого стоила Ленину слишком дорого. Он сознавал, что от точности его политической оценки момента зависит судьба партии и в конечном счете судьба народа, и он не жалел себя в поистине драматической борьбе против раскола. В самый разгар ожесточенной дискуссии в разговоре проскочила фраза о том, что он устал, что мечтает о «дне отдыха», что ему нездоровится. Но жизнь была беспощадна к гению, не только дня, но и часа отдыха не могла отпустить ему.

После разгрома Троцкого наступали битвы с «рабочей оппозицией», с «пролеткультовскими взглядами» Богданова, с неверием партийных масс в новую экономическую политику. Это были битвы за утверждение Советской власти, за гуманизм общества, за отрыв от практики военного коммунизма. Особенно последнее — в битве за нэп Ленин доказал свое превосходство не только как стратег развивающегося революционного процесса, но и как человек несравненного мужества. Голодающая Россия должна быть накормлена. Деревня должна поверить в Советскую власть. Передышка, в которой история отказывала Ильичу, была необходима народу. И Ленин выдвинул новую экономическую политику. В нэпе многие и коммунисты и беспартийные видели отход от революционных принципов, возвращение к буржуазным порядкам. «Куда идем!» — восклицали они, не желая расставаться со своими иллюзорными представлениями о коммунизме, не видя иной тактики, кроме тактики сабли.

Владимир Ильич предвидел возможность такого разочарования. «...Конечно, неизбежно,— говорил он,— что часть людей здесь впадет в состояние весьма кислое, почти паническое». Но он был уверен: «Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним, чтобы начать еще и еще раз сначала — нам придется много еще раз, во всех областях нашего строительства начинать повторно сначала, исправляя недоделанное, выбирая разные пути подхода к задаче», и неустанно разъяснял рабочим, партийцам, просветработникам неизбежность «стратегического отступления». Он говорил: «Пока не разбили нас окончательно, давайте-ка отступим и перестроим все заново, но прочнее».

Надо вернуться в те чистые и тревожные годы, чтобы понять все величие и глубину этих слов. Чтобы почувствовать, сколько мужества и убежденности требовалось Ленину, чтобы их произнести в момент, когда измученная Россия, вздохнувшая после гражданской войны и интервенции, была полна надежды, что завтра ее накормят хлебом и молоком. Но, увы, с хлебом и молоком надо было подождать. История решила сыграть еще одну партию в шахматы с гением, еще раз испытать его тактическую зрелость, разыграв комбинацию «голод». А природа, словно помогая ей, заготовила Советской России невиданную засуху.

За весь 1921 год на гигантских просторах России почти не было дождей. Народ прозвал это время «черным годом». Самые хлебородные губернии были поражены небывалой засухой. В одном из писем в Москву крестьяне из Поволжья сообщали: «На наших полях выросло только одно растение — голод». Государство и политика партии оказались на краю пропасти. Речь шла уже не о судьбе лозунгов и тезисов, о тех или иных мнениях, речь шла о жизни миллионов людей. Революция не могла продвигаться дальше, не найдя спасения от голода. И Ленин сделал единственно правильный выбор: использовать личный интерес, личную заинтересованность, хозяйственный расчет, которые поднимут производство,— «...нам нужно увеличение производства прежде всего и во что бы то ни стало». Потребовался маневр, отступление, чтобы накормить страну, получить разбег для новых шагов вперед. Нэп медленно, но уверенно спасал страну от голодной смерти. Крестьяне засевали больше земли, чем раньше, потому что знали: их продукцию ждет свободный рынок и на вырученные деньги им будет что купить. Да, нэп действительно выудил из глубин жизни Остапа Бендера и ему подобные персонажи, но оживление торговли влило свежую кровь в вены народного хозяйства. Так, точно оценив диалектику истори-

«Каким видел, видит и надеется увидеть первую в мире страну социализма, ее людей, ее идеалы, ее реальность и ее будущее, ее экономику, науку и культуру, ее международную политику неотрывно всматривающийся в нас зарубежный мир друзей и недругов...» — писал «Ровесник» в первом номере этого года, года 70-летия Великого Октября, открывая рубрику «Какие мы! Вчера. Сегодня. Завтра».

Ноябрьский номер «Ровесника» выходит в месяц празднования 70-го Дня рождения нашей социалистической Родины и посвящен тому, какой видит мир родину Октября сегодня, когда продолжается социалистическая революция, полным ходом идет перестройка, ломая стереотипы мышления.

Рассказ о революционных переменах в жизни советского общества мы начинаем с раздумий болгарского публициста об образе В. И. Ленина, образе того, чей гений двинул застоявшуюся российскую действительность на революционный путь.

ческого момента, Ленин пробудил экономические интересы масс, избавил их от летаргии идеалов и спас революцию. Таким был ответ тем, кто готовил Советской России мат в два хода. Но и эта победа стоила Ленину очень дорого. Триумф тактики был оплачен первым серьезным ударом болезни, не признававшей никаких компромиссов. В декабре 1922 года тяжелый приступ болезни приковал Ленина к постели. Медицина здесь была почти бессильна и предлагала главное — отдых. Но Владимир Ильич и по отношению к себе трезво оценивал положение: он понимал — надо спешить. И с еще большим жаром бросился в пучину работы.

Вопреки советам врачей, отчаянно рискуя жизнью, он ежедневно, пока мог, диктовал: «Письмо к съезду», «К вопросу о национальностях или об «автономизации», «Странички из дневника», «О кооперации», «О нашей революции», «Как нам реорганизовать Рабкрин», «Лучше меньше, да лучше». Эти работы, может быть, особенно сегодня покоряют нас богатством мыслей, глубиной анализа, точностью научного предвидения. Они потрясают эмоциональной силой, вдохновенным оптимизмом, беспредельной причастностью гения всему, что будет завтра. Это воистину ленинское завещание партии.

Когда мы заводим речь о гуманизме «нашего» Ленина, музыка эпитетов нарастает крещендо. Слышатся литавры. Вступает медная группа. К памятнику и плакатам прибавляется улыбка, которая, как обычно принято говорить, «греет сердца и укрепляет веру». А по сути своей? По сути своей улыбка Ильича несет печать тревожной озабоченности. Улыбка мыслителя, философа, с морщинкой на челе, так напоминающем чело Сократа.

Улыбка первооткрывателя, но вовсе не триумфатора. В ней так много мысли и совсем нет скептицизма. И это естественно. Человек, победивший прошлое, знал цену будущему. А эта цена, оплаченная кровью миллионов, бросала свой отсвет буквально на все. Даже на улыбку, пленившую мир. В этом гуманизм Ленина: не просто доброта, не абстрактная любовь к человечеству, не красивое и наивное толстовское непротивление злу... Маркс писал о гуманизме действия как осознанной потребности в исторической и социальной справедливости. Таков ленинский гуманизм, он поднимается над этическими абстракциями и становится активным инструментом революционной нравственности. Владимир Ильич ненавидел не отдельных лавочников, а класс в целом. Он не преследовал, а переубеждал заблуждавшихся, но наказывал их за действия, которые были преступлением перед революцией.

Поэтому мера гуманизма Ленина была такой разной в каждом случае.

Мятеж эсеров 1918 года привел его в ярость. Не потому, что заговорщики целились прежде всего в него самого, а потому, что на карту была поставлена судьба революции. Заблуждения переросли в предательство. А предательства Ленин не прощал. Но он готов был простить Коллонтай ошибки «рабочей оппозиции», потому что понимал: это заблуждение, непонимание революционной ситуации.

Вот каким разным был подход гения к той или иной ситуации. Он любил людей, даже когда они были не правы, но ненавидел честолюбцев, одержимых манией величия, готовых пожертвовать делом ради возвеличения собственного я. Он прощал многое, если видел, что у человека есть хотя бы капля революционной совести. Если взглянуть с этой стороны, гуманизм Ленина подчеркнуто этичен и принципиален. Он не ждал оваций времени, не стремился понравиться и превыше всего ставил интересы революционного дела. Это поднимало его над мелкими страстями, над сиюминутными заботами, над всем личным. Это делало ленинский гуманизм необычайно действенным. Мы почему-то предаем забвению этот момент. Наверное, потому и не задумываемся над сократовской складкой в ленинской улыбке. Морщинкой, которая делает улыбку гения не просто доброй, а исторически доброй.

О последних годах жизни Ленина долгое время мы говорили как бы вполголоса. Скорей всего боялись разрушить представление о... памятнике. А по существу, последний год и особенно последние месяцы жизни Ильича были невиданным чудом — подвигом борьбы с болезнью, перед которой медицина оказалась бессильной. Прощанием с революцией и жизнью.

В тех днях есть что-то шекспировское. Гений жил в Горках, прикованный болезнью. Окруженный заботами домашних и врачей. С необыкновенным терпением он переносил мучившие его головные боли, не жаловался, не требовал облегчения страданий. Подобно Бетховену, которого так любил, Ильич разговаривал с помощью записок. Физические силы его иссякали капля за каплей. К изумлению врачей, разрушение не затронуло интеллекта. Мысль оставалась все такой же беспокойной, ясной, точной.

Три раза в день вместе с лекарствами он «проглатывал» и международные новости. «Правда» всегда лежала на одеяле, прикрывающем его колени, вместе с томиками Тютчева и Некрасова. У него оставалось мало времени для поэзии. И все было бы как и прежде. Если бы время от времени он не опускал бессильно руки и не закрывал надолго глаза, почти не дыша. В такие моменты Ленин был самым печальным человеком на земле. Вознесенный над вечностью, он сожалел, что уходит. И сожалел не о жизни — о работе, о том, чего не успел, о будущем, которого не увидит. Потому что и Владимиру Ильичу, могучему гению, была присуща одна слабость — он был любопытен, как ребенок. Он любил снова и снова сочленять своим собственным, неповторимым методом «механизм» общественных отношений во имя счастья людей. Как все пойдет после него? Это уже было не просто любопытством. В таких мыслях замирало дыхание.

Сегодня памятников, в которые воплотилась наша безграничная любовь, не счесть. Белые и позолоченные, гигантские и парадные, окруженные цветами и лозунгами. Но не будем обманывать себя: он был совсем не таким! Бронза неподвижна, а он был само движение. Бронза мертва — он был апофеоз жизни...

Перевел с болгарского
В. МИЛЮТЕНКО

«Революция, товарищи, продолжается...» Представляется Петроград семьдесят лет назад. Оратор на трибуне где-нибудь в рабочем пригороде или с высоты бронированной машины перед толпой, втиснувшейся в огромную площадь, или еще — в дымном и гомонящем зале среди рабочих при ружьях со штыками...

Не было ни трибуны в сером пригороде, ни площади, ни прокуренного зала, ни ружей со штыками. 31 декабря 1986 года перед самой полуночью Михаил Горбачев обратился к советским людям с новогодними пожеланиями. По телевидению. К людям, сидящим за праздничными столами.

Революция продолжается.

Скоро год, как состоялся XXVII съезд КПСС: 365 дней, которые потрясают патентованных «кремленологов», нервничающую буржуазию и притягивают к себе интерес правительств и просто людей [1].

Что происходит на Востоке? Что происходит в этой огромной стране? Что происходит от берегов Тихого океана до карпатских полонин, от Арктики до голубых мечетей Средней Азии? Что происходит в Кремле? Смена декораций? Нет, господа, революция!

Не какая-то революция, а та, начатая в октябре 1917 года безграмотными мужиками и голодающими рабочими. Большевиками. Революция продолжается, говорит Горбачев. Это не косметическая операция, добавляет он, а решительный поворот, перестройка.

Пе-ре-строй-ка, изменение всего общества, его привычки думать и работать, его образа жизни.

Революция у Советов? Но зачем? Земля — крестьянам? Сделано. Каждому бесплатное образование и медицинское обслуживание? Сделано. Каждому работу? Дана! Тогда чего хотят «красные» сегодня? Они хотят, как говорят сами, поставить социализм на службу людям, а не людей на службу социализму. Вот так. «Больше социализма»,— выносит «Правда» в заголовок.

[1] *Статья опубликована в «Юманите» в начале 1987 года.— Прим. ред.*

Каждый-1-й

Два снимка. Между ними история, десятилетия строительства социализма в нашей стране. Социалистическая демократия родилась вместе с Великой Октябрьской социалистической революцией. Ее лозунги объединили весь трудовой народ нашей страны. Снимок первый: 1918 год. (Фотоархив.) Снимок второй: 1987 год. Все более широкое участие принимают миллионы трудящихся в ускорении социально-экономического развития советского общества. Выборы начальника локомотивного депо в Смоленске. (Фото Т. БАЖЕНОВА.)

Бернар ФРЕДЕРИК, корреспондент газеты «Юманите» в Москве

Такая «наивность» сбивает с толку наших «спецов» пишущей и снимающей прессы. Они как курица под ножом: в СССР все приходит в движение, как быть? Как объяснить, почему многое меняется, а социализм остается? И наши «кремленологи» сидят без десерта: советская пресса перебивает им аппетит, отбирая последние даже самые подгорелые крохи. И Сахаров прогуливается по Москве до Академии наук, и... и... Ах, есть еще лица еврейской национальности, которые не могут выехать из СССР! Боже мой! Да люди, некогда уехавшие искать счастья на Западе, «пачками» возвращаются назад, сотнями, а для тех, кто обязательно на своем опыте хочет узнать радости безработицы и случайного заработка в «свободном мире», недавно упростили процедуру выдачи виз.

Это же революция, говорят вам. «Революция продолжается». И цель ее — гарантировать, углублять, расширять... права человека. Все права, господа. И свободу говорить, и свободу работать.

«Я думаю,— говорил Горбачев, обращаясь к писателям, приехавшим в СССР по приглашению Ч. Айтматова,— главное — это человек. Когда я вижу прорывы технологии, которые сопровождаются огромными человеческими потерями, и не только духовными, но и тем, что человек, как таковой, исключается из процесса и политического, и общественного, не говоря уже об экономическом, я считаю, что эта система должна быть как минимум подвергнута большому сомнению». Без сомнений, Горбачев имел в виду все то, что происходит в капиталистических странах. Однако советский руководитель вглядывался и в свою страну. На той же встрече он скажет:

«Мы не отказываемся от наших ценностей, от того, во что верим, от того, что вывело Россию на уровень, на котором она сегодня находится. Просто мы обнаружили, что плохо, или, мягко говоря, недостаточно использовали то, что дает наша система для развития экономики, социальной сферы, культуры. Более того, мы обнаружили, что у нас произошли определенные деформации, никак не согласующиеся с социалистическими ценностями. И то, что мы сейчас встали на путь перестройки, используя гласность и демократию, это вызвало огромный резонанс в нашем народе. Мы почувствовали такую поддержку, которой не было уже, может быть, десятилетиями».

Поддержка народа, гласность, демократия... Первое завоевание перестройки — прежде всего политическое. Несколько недель назад я прочел статью в газете «Монд». Горбачев в ней изображался дрейфующим во льдах, подвергающимся нападкам со всех сторон. Видя же все, что происходит в СССР, я вспоминаю скорее ту серию из трех статей, опубликованную в «Юманите» в конце тридцатых годов, под которой стояла подпись Мориса Тореза: «Пусть открываются уста», «Больше беспорядка», «Нет манекенам в партии». Это только заголовки, но они могут послужить иллюстрацией к переменам, начатым в феврале 1986 года на XXVII съезде КПСС. Политическим переменам.

Пусть открываются уста! На собраниях уже не услышишь — почти не услышишь — длинного монолога оратора из штампов, похвал начальству и обязательного подведения итогов проделанной работы, иначе говоря, перечня достижений. На собраниях спорят. Есть разные точки зрения, и их отстаивают. «Как же, по-вашему, можно быть согласным со всем»,— говорил мне журналист из «Правды». Не в схеме сила социализма, а в разнообразии, утверждает публицист, культура — это умение слушать, говорит академик.

Итак, спорят. И наводят порядок, отличный порядок. Конец вчерашним запретам, боязни новых мыслей, конец бюрократизму. Здесь это называют «новое мышление». Трудная штука. Для некоторых даже очень болезненная.

Наводится порядок на предприятиях: расширяются права коллективов трудящихся, и судьба предприятия, судьба его фонда заработной платы, коммерческой стратегии — все это передается в руки рабочего. Все чаще организуются выборы руководителей — от мастера до директора. В Риге три тысячи человек прислали свои заяв-

ления, которые начинались словами: «Могу быть директором...»

«Вот доказательство того, что мы мало спрашиваем совета у людей,— комментирует комсомольская печать.— Люди хотят выразить себя в большем».

Пресса стала резонатором борьбы между «социалистическим консерватизмом», как назвал его писатель С. Залыгин на страницах теоретического журнала КПСС «Коммунист», и силами революционного преобразования. Только в начале 1986 года газета «Известия» получила два миллиона — невообразимая цифра — новых подписчиков.

Дело в том, что человек, по словам Михаила Горбачева, все больше чувствует себя хозяином своего дома. Вот вам и «Нет манекенам в партии». Каждый — это цифра 1. И рабочий, и самый видный руководитель.

Каждый — 1-й. А это значит, что каждый меньше рассчитывает на соседа, принимая решение. Инициатива, дерзость и ответственность — таким должно отныне стать кредо руководителей партии, государства, экономики.

Руководителей выбирают. А кто выберет их лучше, чем народ. «Вся власть Советам!» — требовали большевики семьдесят лет назад. «Вся власть советскому человеку!» — провозглашает партия сегодня. Выборы со многими кандидатами в государственные органы: система формирования и работы руководящих звеньев будет полностью перестроена. «Революция продолжается, товарищи». Кухарка будет править в государстве? Утопия? Пропаганда? Но факты упрямы, господа неверующие, блаженные и профессиональные «кремленологи».

Могут сказать: значит, в СССР все хорошо? Нет больше очередей, и роботы заменили женщин, выкладывающих по кирпичу дома... Нет, перестройка не может запретить поездам сходить с рельсов, пароходам терпеть крушения, а трубам лопаться от холодов. Очереди по-прежнему еще есть. Люди, случается, преследуются начальником за критику в его адрес. Об этом говорят, пишут, факты эти анализируют и принимают меры, и меры смелые.

Революция продолжается, и разве кто-то говорил, что революции проходят, как парад на Красной площади или по Елисейским полям? Революция, как говорил Маяковский, это не торжественный ужин. И семьдесят лет назад, и теперь. Понятно, что сил у коммунизма сегодня несравненно больше. Но борьба идет. И о ней говорят и пишут: перестройка — это и борьба за перестройку. У нее есть и противники, и не все идет гладко. Это борьба как во времена Ленина. Революция продолжается. И СССР вновь потрясает весь мир.

Перевел с французского С. КОЗИЦКИЙ

КОММЕНТАРИЙ АВТОРА ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ «РОВЕСНИКА»:

Статья, которую вы только что прочли, написана для французского читателя. Попробую дать вам некоторые пояснения для того, чтобы вы поняли, как ее прочли во Франции.

Читатель, для которого написана статья, не средний француз. Он ежедневно читает информацию о том, что происходит в вашей стране. И воспринимает ее не хладнокровно. Объясню почему. Период застоя у вас был отмечен во Франции сильнейшими антикоммунистическими и антисоветскими кампаниями. Этот застой, как сказал Михаил Горбачев на съезде советских профсоюзов, еще более усиливал нападки империализма на СССР. У нас, коммунистов, он отнимал аргументы, чтобы в тех условиях защищать социализм. И вот все приходит в движение: управление, экономика, повседневная жизнь. А ведь все это особенно интересует Францию, где те же сферы находятся в застое. С одной стороны, нам легче защищать у себя авторитет СССР, образ которого омолаживается буквально на глазах, а с другой — коммунисты получили подтверждение правильности своих идеалов, необходимости социализма во Франции: при социализме жить интереснее!

Француз-некоммунист тоже неравнодушно следит за вашей страной. Представьте человека, которому долгое время твердили, что русские мало того, что вот-вот нападут на Францию, но еще и принесут с собой все свои беды, и который вдруг увидел вашего руководителя — во Франции сильна традиция ассоциировать образ руководителя страны со всей страной — улыбающегося, открытого, прямого и к тому же предлагающего очень важные для него, француза, вещи, как-то мир, сотрудничество, защиту прав человека.

А молодой француз? Мы все в детстве грезили революцией. И когда с годами закрадывалась мысль, неужели такого прекрасного времени, как Октябрьская революция, больше никогда не будет, появлялось чувство, будто ты осиротел. А революция — продолжается. Она молодеет. И борьба за молодое, новое молодого француза воодушевляет. Во Франции много говорят о модернизации. Но оказывается вдруг, что ничего «модерновее» социализма нет. Ничего.

Вам, советским молодым людям, выпал огромный шанс. Шанс участвовать в революции. Быть 16-, 18-, 20-летними сегодня, в разгар перестройки,— это уже удача в жизни. У вас есть теперь совершенно новые способы самовыражения. Вы можете удовлетворять свои культурные запросы так, как вам больше нравится, а значит, лучше, чем раньше. У вас есть возможность выбора между Третьяковкой и выставками абстракционистов. Я был на таких выставках, могу подтвердить: действительно абстрактно, но плохо. Я говорю об этом не случайно: важно, чтобы молодежь, делая что-то, делала хорошо. Руки могут быть в кольцах и без колец, но руки должны работать хорошо. То, как работает у человека голова, не зависит от длины и цвета волос. Маркс носил длинные волосы и окладистую бороду, Ленин был лысоватым и с маленькой бородкой, но они изменили мир! Молодежь, говорил Ленин, и не должна повторять в своих вкусах старших. Вкус новый, но обязательно хороший вкус — такой, который вобрал в себя все ценности тех самых старших. Сейчас нельзя быть поверхностным.

Я слежу за вашими молодежными передачами, газетами, в них молодежь часто выражает свое недовольство качеством товаров, одежды, радиотехники. И она права, но только при том, если она хорошо понимает, чем уже владеет. Есть молодые люди, которые мечтают о Западе. Только прежде они должны понять, что это такое. Нигде нельзя построить жизнь по поверхностной, туристской морали. Если они мечтают о модной одежде, очень мощном магнитофоне и очень вкусном шоколаде — это смешно. Если о чем-то другом, то далеко ходить не нужно. Надо, повторяю, только понять, чем они уже владеют.

И еще хотел бы пояснить: я упомянул в статье три выступления Мориса Тореза на страницах «Юманите». Это было в 1931 году. Тореза только что избрали Генеральным секретарем Французской коммунистической партии, переживавшей в ту пору один из самых тяжелых периодов в своей истории. Из-за того, что были забыты такие понятия, как политическая дискуссия, дебаты, демократизм, резко сократилось число членов партии. Она застыла и омертвела. Именно в такой момент и появились на первой полосе «Юманите» статьи Тореза. «Пусть открываются уста». Иначе говоря — спорьте. Спорьте открыто, в партии и о партии. «Нет манекенам в партии» — нет места в партии неприкасаемым вождям и бессловесным исполнителям их воли. И наконец, «Больше беспорядка», то есть необходимо отказаться от схем, покончить с тем, что во Франции называется «деревянным языком» — казенностью речей, с иерархичностью в партийных отношениях, с бюрократизмом. Одним словом, пусть бюрократ как огня боится партии!

Подобные события в жизни коммунистической партии — непреходящие ее ценности. Не знаю, понятно ли это сравнение всякому французу, но у коммуниста, знающего историю своей партии, те выступления Тореза постоянно на языке. Они были в те годы манифестом обновления партии, ставшей массовой и сильной. Уже потом, в 1933—1934-м, развернулись выступления против фашизма, в 1936-м — Народный фронт, солидарность со сражающейся Испанией, Сопротивление. Кажется непостижимым, как быстро крепла обновленная, помолодевшая душой Французская коммунистическая партия.

Бернар ФРЕДЕРИК

РАЗГОВОРЫ ПОД ЛЕТНИМ ДОЖДЕМ

Нина ЧУГУНОВА
Фото Е. ТРОШИНА

ВО ВРЕМЯ СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКОГО «ПОХОДА ЗА МИР И РАЗОРУЖЕНИЕ» НА УЧАСТКЕ ЛЕНИНГРАД — МОСКВА

Мы шли под тихим дождиком, который, если зарядит об эту пору, то и будет идти и день, и два, и вымокнет сад, и раскиснет футбольное поле за школой... Мы шли мимо деревень с ласковыми названиями, и в одной из них среди встречавших была женщина с цветочками и с книжкой «Маша и медведь». Я было подумала: ну кого заставит эта книжка копаться в словаре, чтобы понять, как умна Маша, перехитрившая медведя и сумевшая вместе с тем остаться с ним в добрых отношениях? Но по глазам американского мальчишки, получившего книжицу в подарок, было ясно, что он непременно ее прочтет. Позже, в Москве, читая подаренные мне американские сказки, я подумала, что, обмениваясь историями, сказками и рассуждениями о жизни, о том, о сем и о всякой всячине, люди могут добыть не меньше пользы и мудрости, чем даже если бы собрались несколько знаменитостей и каждая знаменитость сказала по одной заранее обдуманной мудрой мысли.

А еще хорошо при этом идти по дороге, и чтобы окружающие тебе улыбались. Но это в жизни бывает не так уж часто.

Чтобы пройти от Ленинграда до Москвы, Стен Смит, учитель из города по имени Москва, в штате Айдахо, временно оставил свой дом, семью и учеников. Журналисты думали, что самое замечательное в Стене — это тот факт, что он из американского города Москва. А мне лицо под кожаной панамкой показалось чудесно знакомым, чем и привлекло. Это было лицо нашего учителя физики, который сказал давным-давно обо мне:

— Жаль, если эта голова будет потеряна для физики!

И за мелькнувшую надежду, пусть и не оправдавшуюся, я ему благодарна.

Я подошла к Стену, и дальше мы пошли под дождем вместе.

— Зачем люди нужны друг другу, Стен?

— Для разговора!

По-моему, это ответ века.

Стен говорил мне:

— Я учитель, а к тому же историк. Очень рискованное занятие. Есть опасность впасть в состояние Всегда-Во-Всем-Правого-Наставника. Я не хочу быть наставником, который все знает. Но я хочу быть наставником, который идет рядом. Может быть, совсем немного забегая вперед

В истории надо жить так же, как люди живут в собственном детстве: чтобы бывшее когда-то с людьми счастье и горе было близко нам. Я хочу этому научить моих учеников. С другой стороны, я хочу сам у них этому поучиться. Я вспоминаю: мне четырнадцать, и я победитель на конкурсе ораторов. Перед громадной аудиторией я выступил с захватывающей речью, смысл которой забыл начисто, но блеск моей речи иногда светит мне, хотя мне уже за сорок и у меня сыновья — большие мальчики.

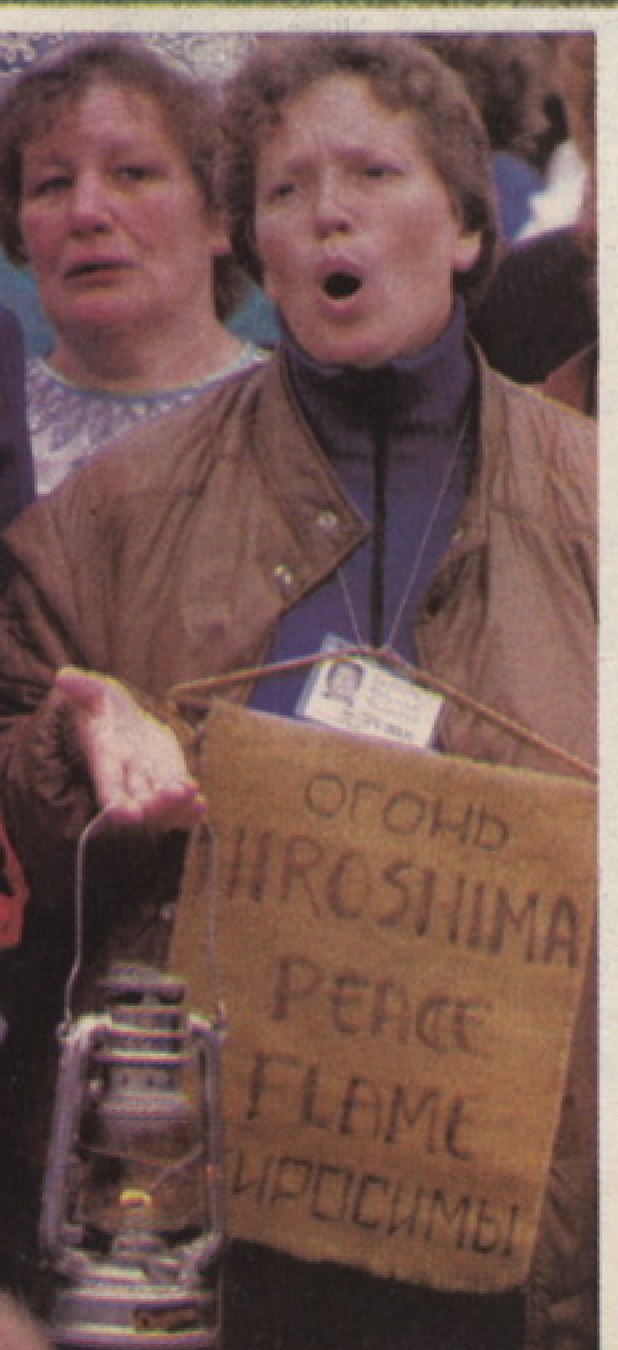
— Так что же нужно маленькому человеку? Один-единственный, но потрясающий успех и свобода исследовать жизнь?

— О первом можно не беспокоиться. Стоит устроить побольше разных соревнований, и хоть раз успех да выпадет каждому. Второе меня волнует серьезно, поскольку тут человек, начинающий жизнь, оказывается в полной зависимости от нас, взрослых.

Я думаю, что несвобода в исследовании жизни, которую взрослые так старательно воспитывают в детях, выросла в проблему того, в какой степени мы способны сами себе испортить жизнь,

МЫ ЗА

ДА-РАЗОРУЖЕНИЮ И МИРУ!
YES TO DISARMAMENT AND PEACE!

ОГОНЬ
IROSHIMA
PEACE
FLAME
ИРОСИМЫ

испортить наши отношения с окружающими людьми и миром, закрыть перед собой виды на будущее, закрыть пути к пониманию и взаимопониманию... Человек сам становится у себя на пути. И нет непреодолимее преграды, как нет и страшнее зла, чем зло несостоявшейся, неразвитой, нерасцветшей человеческой жизни.

Это зло — стереотипное мышление.

Я считаю, что мы живем в Век Стереотипов.

Никогда прежде борьба со стереотипами наших представлений о жизни не была так жизненно важна для человека.

Мой ученик написал сочинение на нулевую оценку. Стереотипно размышляя и действуя, я обязан выставить эту оценку. Или: я привел в класс представителей самых разных точек зрения на одно и то же волновавшее всех в штате событие. Я попросил их свободно высказаться. Потом предложил моим ученикам написать сочинение на ту же тему. Я получил эти сочинения: несколько человек в классе умели мыслить. Несколько! Остальные не умели, не хотели, не могли вообразить, что это — можно. Точка зрения, к которой они «примкнули», была самая простая, если не сказать — примитивная.

Стереотип — это обкатанный, примитивный взгляд на вещи.

Мир все более сближает нас, людей. Перед нами такие достижения, как спутниковая связь. Перед нами такие угрозы, как ядерная война и загрязнение среды. А мы отталкиваемся друг от друга, заслоняясь стереотипами. Это не защитное оружие. И не орудие нападения. Это орудие самоуничтожения. Потому что рано или поздно стереотипы откажутся служить нам. И предстанет больной, разучившийся работать, искалеченный разум...

Я думаю, что проблема общения народов начинается с проблемы общения детей между собой и детей со взрослыми, с проблемы бездумных запретов, клише, табличек: «Это — нельзя», «Это — полезно!» и т. п.

Честность, умение разговаривать с другими и умение выслушивать чужое мнение без нетерпения и неприязни — это мировая проблема воспитания будущих поколений. Плох ли коммунизм? Не знаю. Надо подумать. Я не отношу себя к коммунистам на том лишь основании, что я говорю: надо подумать, плох ли коммунизм. Я бы предпочел считать, что люди предприняли благородный эксперимент в масштабах нации.

Нет, я не считаю, что следует остановиться на этом «необидном для обеих сторон» мнении. Но пусть каждый исследует ситуацию, исходя из этого, а не исходя из готового стереотипа: «коммунизм — это нечто, ставящее под угрозу цивилизацию».

Плох ли русский? Можно долго рассуждать, почему и как возник этот стереотип, наделавший столько зла не одному поколению американцев. Я сам, отправляясь сюда, едва ли не как должное воспринимал то, что меня, по мнению многих, ожидало: первый же контакт с советским человеком будет попыткой распропагандировать меня. Также: русские будут приветствовать наш поход, подчиняясь указаниям «сверху».

Я прошел половину пути. Навстречу нам выбегали женщины, старики, множество детей. Мужчин было меньше, я понимаю: работа.

Потом пошел этот мелкий дождь. Я смотрел по сторонам, едва мы приближались к новой какой-нибудь деревушке, я вертел головой, вглядывался в улыбки. Я сказал себе: никакими посулами, угрозами и приказами никакую старуху и тем более малыша не заставишь выбегать в дождь и рвать полевые цветы для неизвестных мужчин и женщин, если только они не делают это искренне. Итак, это неразумное, это безумное предположение, будто русские немиролюбивы. Но в это верят некоторые американцы, не нуждаясь в аргументах!

Я учитель. Я знаю, как человек стремится быть участником общества, группы, принадлежать компании друзей, быть где-то «учтенным». Это в природе человека и идет от страсти к разговору опять-таки. В моей школе всего шестьсот учащихся. Но в ней есть «металлисты» и «мозги», то есть группа демонстративно умных отличников. Есть «ковбои», для которых Америка — страна № 1. Есть «красношеие», любители табака «Копенгаген». Есть такие, что только о бейсболе и говорят. И даже есть Роскошные И Глупые Блондинки, вот!

Это все не хорошо и не плохо, пока не становится единственной отличительной чертой личности. Патриотичность любителей «Копенгагена», их консервативность, их яростное превозношение Америки, их ярость по отношению к думающим иначе... Вот, последнее: это и есть завершение формирования стереотипа.

Стереотип, мешая человеку, пользующемуся им, развивать разум, вредит только этому человеку, пока не становится агрессивной силой. Тогда стереотип опасен для всех.

Я очень люблю Америку. Я американец. Но я не очень люблю «красношеих», любителей табака «Копенгаген».

Война неизбежна.

Это опаснейший стереотип, с которым трудно бороться, потому что он захватил уже большую территорию человеческих мозгов.

В ядерной войне можно выжить.

Из милых мальчиков и девочек вырастает беспомощное человечество. «Можно выжить». Ужас! Торжество стереотипа над разумом. Когда это началось? Кто первый сказал: это так и только так?

Я узнал о Походе мира, написал в адрес организаторов и стал ждать.

Мне необходимо было пойти.

Вот я иду. Кое с чем в себе я покончил. Меня уже не убедят, что советский корреспондент, беседуя со мной по дороге, добивается тайных целей. С этим я в себе покончил.

Я иду и думаю, что нам надо сделать в ближайшее время. Не следует ли организовать совместный образовательный курс, рассказывающий об участии наших государств в борьбе с Гитлером и о наших жертвах? Я бы мог этим заняться. Но кто-то мне сказал: это уже история!

Я думаю, что сейчас нет «уже истории».

Даже Древняя Греция перестает для меня быть далекой «уже историей», едва я вспоминаю, что борьба стереотипа с человеком шла уже тогда. Вспомни: с точки зрения древних греков, были «греки» и «варвары», то есть весь остальной мир...

Близился вечер. Мы стояли у костра, а вокруг был разбит палаточный лагерь. Наступавшая ночь кишела комарьем. Русская девушка, сцепив ладони за спиной, с выражением читала стихотворение перед микрофоном.

— Когда-то мы были очень близки и понимали друг друга,— сказал Стен.— Теперь надо все построить заново. Но потом наши сыновья, маленькие дети, они должны будут опять строить заново, опять учиться понимать друг друга. Мы с тобой понимаем друг друга, но ведь способность понимать друг друга не передается, это не закладывается в генах?

— А может быть, что-то и остается,— подумала я вслух.— Мне кажется, что остается. Откуда я так хорошо понимаю, как было на Эльбе?

— Может быть,— сказал Стен.— Я ничего не утверждаю. Я только думаю. Наверное, я не похож на «стереотипного американца», да?

— Нет, ты не похож,— сказала я.— В тебе нет химической улыбки, и ты не уверяешь всех своим видом, что у тебя все о'кей.

— Вот как,— сказал Стен.— А знаешь, о чем подумал я?

— О чем? — спросила я.

— Вот мы шли мимо деревень, деревень... Я подумал, как много, должно быть, в ваших маленьких селах, в маленьких городах отличных учителей.

— Учителей?

— Ну да. Именно учителей, должно быть отличных, очень много.

— Стен,— сказала я,— мне пришло в голову, что в истории мы имеем лишь пример исключительного по бесчеловечности факта торжества стереотипов над разумом целого народа. Это — фашизм, Германия, Италия, тридцатые и сороковые годы. И посмотри, как живуче это. А где же примеры полной и окончательной победы разума над стереотипом?

— Есть,— сказал Стен.— Я учитель, я готов ответить. Рабство. Никому в голову не придет сегодня считать рабство вещью обыденной, само собой разумеющейся, способной существовать наряду с высокой духовностью. А ведь совсем недавно «высокодуховные личности» не видели ничего ужасного в рабстве. Но человечество победило, возвысилось над самим собой, выросло и назад уже никогда не вернется. Наконец, когда-нибудь призрак войны перестанет морочить нам голову своей «естественностью» и «неизбежностью»!

— Нам надо постараться,— сказала я.

«ГРАЖДАНСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ»

Уильям МОННИНГ,
американский юрист,
участник движения
«Врачи мира за предотвращение ядерной войны»

Короткая, очень аккуратная стрижка, не большие, не маленькие резкие голубые глаза, четко сфокусированный взгляд делового человека. Уильям Моннинг — юрист международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны». Участвовал в акциях солидарности, которые американцы из добровольных объединений проводят в Никарагуа. Как специалист по международному праву налаживал помощь американских врачей населению в Сальвадоре. Похоже, искренне не считает свои действия ни героизмом, ни самопожертвованием, а единственно возможным для себя способом жизни, не идущим вразрез с разумом.

Родился в 1951 году в Лос-Анджелесе, Калифорния. Любящие родители, благонравное воспитание, школа, спорт, Калифорнийский университет, инженерный факультет, потом вдруг юридический. Тогда шла война во Вьетнаме.

Встреча состоялась в Москве в июне 1987 года во время VII конгресса международного движения «Врачи мира за предотвращение ядерной войны».

В. СИМОНОВ,
редактор отдела

Мой отец был военным. Он умер при исполнении служебного долга, когда мне было пятнадцать лет. Умер не от пули, не на войне — на родине, от разрыва сердца. Не знаю, что он думал о войне во Вьетнаме. Для меня он был любящим отцом, с которым мы играли в бейсбол и футбол.

Я много думал об отце, мягком и нежном человеке, каким я его знал, и о военном, которого я не знал. Он не был во Вьетнаме, не воевал там. Но если бы ему приказали... Дело в том, что для каждого из нас тогда вопрос службы в армии был глубоко нравственным вопросом. Не повиноваться правительству, призвавшему тебя принять участие в «грязной войне» во Вьетнаме, означало занимать морально правильную позицию. Я хочу сказать, что мысли об отце заставляли меня вглядываться в противоречия жизни, самое страшное из которых война.

Суперразвитая американская технология воевала против вьетнамских крестьян. Я не мог игнорировать это противоречие. Мне хотелось понять, что все-таки происходит. Я стал изучать историю нашей внешней политики, что позволило мне понять связь военных и бизнеса и кому нужны «сферы влияния» в Юго-Восточной Азии, Латинской Америке, Африке.

В те времена протестовать было в моде. Многие приходили на демонстрацию из любопытства, взглянуть на то, что происходит, и потом сказать: «Я был на демонстрации». И все-таки у нас были свои писатели, свои музыканты — культура, выступавшая против образа жизни богатых, живущих за счет несправедливости и насилия. Мы искали мира, основанного на любви и взаимном уважении. Мы стремились поднять нравственный уровень масс, ожидая пробуждения в человеке добра, обязанного восторжествовать над безумием.

Да, участие в протестах стало пробуждением для многих из нас. Мы стали, можно сказать, более научно вооруженными, чем прежние поколения, в анализе сил, которые действовали в обществе (точнее сказать, действуют и сегодня, определяя политику США в Центральной Америке и других регионах мира).

Я помню документальные фильмы: корчатся в муках люди возле «прыгающей бомбы», отравляющие вещества распыляются с самолетов на мили и мили вьетнамских джунглей. Я видел детей-уродцев, без ног и рук, рожденных матерями, подвергшимися отравлению диоксином «Эйджент оранж». Американская технология, служащая оружием геноцида против неугодного народа. Чем выше технический прогресс, тем более варварским становится оружие. Возможно ли, чтобы существовало оправдание — политическое, экономическое — варварским методам войны? И тем же самым оружием, которым убивали во Вьетнаме, убивают сегодня в Центральной Америке, а конгрессмены США из политических соображений голосуют за предоставление помощи контрас и режиму в Сальвадоре, хотя семьдесят процентов американцев высказываются против такой помощи.

Если бы мы все поняли то, чему научил нас Вьетнам! Мощь американского оружия оказалась слабее мужества крестьян — они победили, потому что НРАВСТВЕННО были сильнее. А если бы США использовали атомную бомбу? Никто из нас не знал тогда, что существовал реальный план использования во Вьетнаме тактического ядерного оружия. Атомные бомбы были размещены на американских военных базах на Филиппинах и на авианосцах. Ричард Никсон, тогда президент США, в своих мемуарах откровенно пишет, что вопрос о применении ядерного оружия стоял очень серьезно. Осуществлению плана, в част-

ности, помешал и антивоенный протест в США. Применение атомной бомбы в такой ситуации для Никсона было бы равносильно политическому самоубийству.

Вьетнам научил нас, что обладание ядерным оружием не предотвращает войну, как заявляло тогда правительство. И все-таки политики по-прежнему называют ядерное оружие «хранителем мира», и многие верят: чем больше ядерных бомб, тем больше устрашение, тем больше безопасность для США. Механистичность мышления ведет к тому, что люди игнорируют реальную опасность, которая кроется в самом накоплении оружия: чем его больше, тем вероятнее вооруженный конфликт.

Альберт Эйнштейн был первым, кто понял мощь атома, он же был первым, кто понял, какими катастрофами эта мощь угрожает человечеству. Он призвал нас к новому мышлению, но мы, как и прежде, мыслим способом, ставшим антиквариатом ядерного века.

Легче всего сказать: изменить мышление слишком сложно, на это понадобятся многие годы, и продолжать топтаться на месте, пока тебя не разорвало на куски. Но вот пример: когда в шестидесятые начиналось движение за ядерное разоружение, на его участников смотрели как на отчаянных леваков. А сегодня эта проблема поднимается в конгрессе, и некоторые законодатели выступают против размещения ядерного оружия в космосе. Понимание растет, но ядерная угроза тоже растет. Успеет ли культура нового мышления обогнать гонку вооружений?

Когда люди говорят о возможных последствиях ядерной войны, они называют их «немыслимыми». В действительности так говорят те, кто и не пытается поразмыслить. На самом деле то, что происходит сегодня в Центральной Америке, и то, чем грозит ядерная война, вполне сопоставимо. Я был в Сальвадоре сразу после прошедшего там землетрясения. Правительство было бессильно помочь пострадавшим. Я видел, как люди выкапывают из-под обломков зданий погибших близких. Кругом стенания, муки — я попал словно в ад. Американские врачи, приехавшие с миссией помощи, были в шоке: столь велики оказались масштабы катастрофы и столь малы возможности медицины. Я подумал: вот так это будет выглядеть после ядерного взрыва.

В Сальвадоре я познакомился с доктором Клементсом. В прошлом летчик ВВС США, воевал во Вьетнаме. Этот человек прошел путь прозрения: он сбрасывал бомбы на села вьетнамских крестьян, пережил нравственную трагедию, уволился из ВВС, получил медицинское образование и в 1982 году с саквояжем медикаментов приехал в Сальвадор.

Он знал, что правительство Сальвадора рассматривает иностранную медицинскую помощь населению как «подрывную деятельность», знал, что некоторые врачи-добровольцы из других стран мира там погибли. Он знал также, что каждый четвертый ребенок в Сальвадоре умирает, не дожив до пяти лет, что семьдесят процентов населения болеют от недоедания, что тысячи мирных жителей стали жертвами войны, которую правительство ведет против собственного народа.

Доктор Клементс работал в районе, контролировавшемся партизанами. Здесь деревни каждый день бомбили американские самолеты того же самого типа, на которых летчик Клементс летал во Вьетнаме. Ирония судьбы.

Многие умирали у него на глазах, многим он спас жизнь. Но вскоре понял, что одному человеку это не по силам: трагедия слишком велика. В 1983 году он вернулся в США, чтобы организовать широкую медицинскую помощь народу многострадальной республики, и ему это удалось. Фонд медицинской помощи Сальвадору собрал более полумиллиона долларов пожертвований от частных лиц, сотни добровольцев-врачей отправились в Сальвадор.

Я верю, что политику делают не только политики — простые люди тоже. И от них зависит, какое решение будет принято на политическом уровне. Поэтому считаю — как можно больше американцев должны побывать, например, в Никарагуа, чтобы понять смысл политики США в Центральной Америке. Увидеть, что требования сандинистов справедливы, народ Никарагуа не марионетка в руках советской сверхдержавы, народ изъявляет собственную волю, отстаивает свои права на жизнь.

Пока нашей администрации слишком легко направлять мышление американцев в нужное ей русло. Достаточно наклеить на сандинистов, на национально-освободительное движение в Сальвадоре, в Гватемале ярлыки «коммунистические», и никто не станет возражать против поддержки контрас и антинародных режимов. Мы бродим в потемках «холодной войны».

Сенатор Гор, побывав в Советском Союзе, выступил в конгрессе. Сказанное им разочаровывает: по-видимому, из боязни, что его воспримут как «сочувствующего коммунизму», Гор не нашел добрых слов в адрес советского народа. Уверен, настанет день, и он пожалеет, что вообще произнес эту речь. И все-таки поездки политиков в Советский Союз и другие «недружественные» страны необходимы: после того как человек воочию увидел людей, против которых он нацеливает оружие, ему труднее ужиться с мыслью, что эти люди — смертельные враги.

Между нами, обыкновенными людьми, существует гораздо больше общего, чем между нашими правительствами. Здесь, в Москве, я слушал знаменитых американских музыкантов Стиллса и Нэша, выступавших вместе с советской рок-группой «Аквариум». В музыке общий язык находится сразу, тогда как понадобятся годы и годы дебатов, чтобы найти общий язык на политическом уровне. Поэтому так важен культурный обмен, должный ускорить политический диалог.

У себя в США такие контакты мы называем «гражданской дипломатией». Например, на Московском конгрессе врачей обсуждалась возможность создания интернационального корпуса мира, куда войдут и советские врачи. Культурное сотрудничество должно охватить все слои — от детей до ученых и военных.

Да, детей, потому что воспитание антикоммунизма начинается с самого раннего возраста. Дети смотрят «Рэмбо» и «Америку» и хлопают в ладоши, ненавидя русских. Скорее всего они вырастут антисоветчиками. Но есть Саманта Смит. И то, что в ее родном городе учрежден День Саманты, стоит памятник Саманте, есть признание успеха детской дипломатии.

Здесь, в Москве, я побывал в цирке. У меня есть дочь семи лет, я очень скучаю по ней. Поэтому пошел в цирк поглядеть на радость детей. Рядом сидел мальчишка лет девяти, и я смотрел, как он смеется,— совсем как наши дети. Мы все похожи друг на друга, одни и те же вещи делают нас счастливыми или печальными. Я подумал: у меня привилегия это видеть, пусть увидят другие. Смогут ли они после этого послать сюда ракеты, которые уничтожат этот смех навсегда?

И вот что меня раздражает: хотя возможные последствия ядерной войны изучаются и освещаются достаточно широко, но те возможности, которые предлагает Советский Союз для решения проблемы, в большинстве случаев замалчиваются. Замалчиваются, иначе сломался бы стереотип-представление о Советском Союзе как о враге. Возможно, наличие «врага» — необходимое условие существования капиталистической экономики?

Да, у меня есть привилегия видеть советское общество. Я вижу: гласность не пропаганда, а стремление к открытому обсуждению проблем правительства и людей; новое мышление не пропаганда, а необходимость. Если быть до конца честным, то придется признать: Советский Союз гораздо более открытое и честное государство в вопросе разоружения, чем США.

Восемнадцать месяцев Советский Союз соблюдал односторонний мораторий на ядерные взрывы, а мы в это время взрывали одну ядерную бомбу за другой. И все же большинство американцев считают, что в трудностях на переговорах по разоружению целиком виноват Советский Союз: ведь наша администрация заявила о своем желании мира!

Американцы своими глазами должны увидеть, что происходит на самом деле, понять, почему советские люди доверяют своему правительству. Лично меня увиденное обнадеживает: я обнаружил, что у советского руководства хватает здравого смысла. Проявляют здравый смысл и отдельные влиятельные лица в США и других странах. Дело за здравым смыслом на уровне всех правительств.

Мы, здравомыслящие люди Запада, обязаны поднять диалог на новый уровень: его тема не количество боеголовок, а люди и их реальные нужды.

ИНТЕРПРАЗДНИК В НОВОСИБИРСКЕ И...

Н. КАБАНОВА,
Е. ЖЕЛТОВ (фото),
наши специальные корреспонденты

Войти в автобус, идущий из Новосибирска в Академгородок, было в тот день невозможно. Казалось, весь Новосибирск перемещается в сторону Академгородка, а весь Академгородок — в сторону Университетской площади.

Это был день маевки.

События происходили не в начале века, год на календаре был восемьдесят седьмой, но от слова «маевка» веяло романтикой ночных беспокойных костров, песен, которые в один голос поют сотни людей.

И люди шли на маевку.

Шли студенты. Шли люди постарше и вели с собой детей, которым дважды в году разрешается лечь спать попозже: тридцать первого декабря и в день маевки. Шли пенсионеры и школьники. Комсомольские активисты и молодежь «несоюзная». Шел батальон «металлистов», шаг не печатая, но позвякивая вещественными доказательствами пылкой любви к «металлу», которые, правда, были у него по дороге изъяты дружинниками в пользу местной базы вторсырья, и, возможно, напрасно.

Маевкой завершалась Неделя интернациональной солидарности, которую уже много лет подряд проводит Новосибирский университет.

Неделя интерсолидарности (сокращенно НИС) — это концерты и творческие мастерские политпесни. Это ярмарки солидарности и митинги. Это выступления театров политической сатиры. Это беседы за «круглым столом» и просто беседы за столом в клубе НИС. Это встречи с друзьями. Чтобы поспеть на все мероприятия Недели,

надо разорваться на несколько десятков частей, что еще никому не удавалось. Но чтобы понять суть НИС, можно просто прийти на маевку, потому что маевка — это итог, это квинтэссенция, это душа Недели.

МАЕВКА. Сколотили деревянный помост; на этот помост, не дожидаясь начала митинга, которым должна была открыться маевка, вышли ребята из новосибирского ансамбля «Амиго», и зазвучали песни.

На площади начался митинг. А в здании университета, рассредоточившись по вестибюлю, ансамбли готовились к выступлению, и можно было, обойдя первый этаж, за десять минут побывать на двадцати репетициях. Прямо на лестнице, ведущей наверх, расположилась группа из ГДР «Бригада Фойерштайн».

«БРИГАДА ФОЙЕРШТАЙН» давала концерт накануне. В зале царила особая суматоха межсезонья — уже не репетиция, еще не концерт. Можно было и не спрашивать, кто руководитель «Фойерштайна». Только один человек делал все. Сразу. Одновременно находился в пяти местах. Грустно ему тоже не было, конечно, какая уж тут грусть, хотя в глазах его искренне и откровенно светилась мировая скорбь, и лицо его выражало страдание. Он, этот человек, обутый в кроссовки-скороходы, в течение секунды успевал появиться в противоположных углах зала, по дороге дорепетировав роль, заставив полбригады повторить текст; пел, жестикулировал, танцевал, смотрел на часы, волновался, ухитряясь разглядеть какой-то непорядок там, где, с точки зрения остальных, все было в полном порядке. Нет, можно было и не спрашивать, кто руководитель «Фойерштайна». Можно было просто спросить, как зовут вон того, в джинсовом костюме, и, услышав в ответ: «Герхард Гундерманн», покорно ждать, пока неутомимый режиссер, он же художественный руководитель, он же автор текстов и ведущий актер бригады остановится хоть на миг.

Потихоньку сходились зрители, до начала представления оставалось минут пять. Недостатка в желающих попасть на концерт не было, но тем не менее Франк и Райнер, став по обе стороны входа наподобие билетных контролеров, повели себя совсем не как контролеры. Они приладили гитары и очень громко, старательно и серьезно запели шуточную зазывальную песню, приглашая народ ни в коем случае не проходить мимо зала, где выступает «Фойерштайн». Народ и не собирался мимо.

А потом началось представление.

Концерт, где рок-н-роллы сменяют песни «Битлз». Дискотека, на которой ведущими становится полбригады, потому что вторая половина как раз поет и играет, чтобы зрители могли потанцевать. Все это вместе — концерт «Фойерштайна». Или спектакль «Фойерштайна»?

В антрактах музыка не смолкает, а площадка перед сценой превращается в танцплощадку, и среди зрителей оказывается очень мало стоиков, способных усидеть на месте, когда по залу вихрем проносится рок-н-ролл.

В день концерта «Фойерштайну» исполнилось восемь лет. Именинники, закончив представление, деловито приводили в порядок сцену, зал, и снова Герхард на субсветовой скорости преодолевал пространство с трехпудовым усилителем под мышкой, иллюстрируя очень убедительно собственные слова об одной из особенностей Интернедели:

— Часто на фестивалях, даже самых что ни на есть интернациональных, самых демократичных, люди делятся на тех, которые думают и решают проблемы, и тех, которые для них расставляют стулья. Здесь, в Академгородке, по-другому. Те, кто думает, сами же и расставляют стулья. И это здорово.

МАЕВКА. Еще не успело как следует стемнеть, когда вспыхнул костер. Чуть помедлив, набирая силу, вдруг взметнулся вверх рыжий фонтан огня, обдавая жаром стоящих поблизости, и оказалось, что все давно ждали этого момента: костер дарил несимволическое тепло, он был живой, он был двадцать тысяч первый зритель и одновременно главное действующее лицо маевки.

А на помост, служащий сценой, вышли кубинские студенты, и вместе с первыми аккордами гитар, вместе с первыми ударами невиданной формы барабанов, вместе с первыми звуками песни на сибирский город спустилась — нет, не спустилась — упала, обрушилась карнавальная гаванская ночь. Ритм, еще более выразительный, чем мелодия; мелодия, обжигающая, пульсирующая, своенравная, как необъезженный конь,— это кубинская самба. Петь ее и стоять на месте невозможно. Слушать ее и стоять на месте невозможно! Танцевали певцы. Затанцевала площадь...

Аплодисменты, провожавшие кубинцев, слились с аплодисментами, встречающими ансамбль ливанских коммунистов «Эль Маядин».

Гитары начали совсем тихо, шепотом, и площадь замерла, боясь лишним шумом оборвать, вспугнуть нервную ниточку мелодии, трепетной и нежной; а мелодия становилась громче, гитары говорили уже в полный голос; их диалог был понятен без перевода на слова, их голос исходил мольбой и страданием — гитары пели о Бейруте...

«Эль Маядин» пользовался фантастической популярностью во время Недели. Друзьям ансамбля было мало концертов — они проникали на репетиции, шли в клуб НИС.

КЛУБ НИС работал каждый вечер. То есть, было принято так говорить,— каждый вечер, на самом деле клуб НИС работал иногда часов до шести утра. Чай разливали из огромного самовара и, обжигаясь, передавали друг другу разноцветные чашки. В клубе Ближневосточной секции встретились ребята из Академгородка, гости Ин-

на стр. 17 ▶

В оранжевом «рафике» с эмблемой Западтрансгаза мы кружим по северо-западу Брестской области, по территории, которую обслуживает Кобринское ЛПУ (линейно-производственное управление). Инженер Георгий Мизюк, высокий человек, одетый в рубашку с вольно расстегнутым воротом и вельветовые коричневые брюки, указывает в окно и говорит: «Там лесок, да? Левее он проходит, в ста метрах. Вон в том направлении». Он — это газопровод, построенный польской фирмой «Энергополь». Пальцем по стеклу Мизюк рисует направления, по которым протянулись нити газопровода. Он видит не только то, что на земле (леса, поля, деревеньки с ласковыми игрушечными названиями Унучки, Петьки, Ежики), но и то, что в ней. А в ней в окрестностях Кобрина сотни километров труб,

...ИНТЕРРАБОТА В КОБРИНЕ

А. ПОЛИКОВСКИЙ,
А. ПУТЯТА (фото),
наши специальные
корреспонденты

образующих целые подземные улицы, по которым, разогнанный компрессорами, движется газ. Миллионы кубометров газа, море газа проходит под Кобрином и его окрестностями без того, чтобы люди знали об этом или чувствовали его мощное движение, совершающееся у них под ногами... Мы въезжаем в Петьки, где расположился штаб «Энергополя».

Поляки умеют устроиться красиво. Огромная яркая эмблема фирмы и развевающиеся по ветру флаги встречают нас. «Кофе? Чай? Минеральную воду?» — улыбается секретарша пани Мария. Помешивая кофе в чашечках, мы сидим за длинным столом с главным инженером строительства газопровода Янушем Яновски и говорим о том, что значит эта стройка для Польши и для «Энергополя». Для «Энергополя» — неоценимый опыт крупных работ, опыт, который фирма сможет использовать, выходя на мировой рынок. «Мы специализируемся на работах, связанных с сооружением газопроводов. Сегодня мы осуществляем небольшие работы в Австрии, в Ираке, в Чехословакии. Но основной наш заказчик — Советский Союз». А что значит газ для Польши, газ, качаемый компрессорными станциями от самой Ухты и идущий по трубам, на которых в районе Кобрина и Бреста стоят именные клейма польских сварщиков? О, это простой и одновременно трудный вопрос! Можно долго говорить об удобствах, которые создает газ, подведенный к местам наших жилищ, но лучше быть кратким и ограничиться формулой: газ — это цивилизация. Так же как электричество, книгопечатание, телефон, телеграф. И строительство газопровода — это больше чем простая укладка труб в землю, это еще и

создание целой зоны цивилизации. «То,— говорит Януш Яновски,— что вы называете «соцкультбыт». Мы окончили строительство газопровода в конце 1985 года, но мы до сих пор здесь и еще долго будем здесь. Нам надо еще много построить». И он заключает свою маленькую речь перечнем строительных объектов, недавно сданных или находящихся в работе: «В Кобрине жилой дом и детский садик сданы, два жилых дома строим. Два дома построим в Бресте в этом году, потом будем строить еще и расширять завод газовой аппаратуры...»

Мы едем дальше. В поле за сетчатым забором стоят длинные и высокие, как ангары, корпуса компрессорной станции. Внутри их гул и пустота. Люди только наверху, в зале, откуда ведется управление. Поле, в котором стоит станция, производит приятно идиллическое впечатление, пока не узнаешь, что вся эта пастораль лежит на трубах, залегающих на глубине полутора метров. Серебристые трубы под углом появляются из земли на территории станции. Лампы, тумблеры, шкалы — стандартный, тысячи раз виденный в кинохронике пульт управления. Сюда, к станции, сходятся нитки газопровода, отсюда по команде диспетчера Михаила Родионова уходит импульс, ускоряющий движение газа к газовым горелкам в квартирах где-нибудь на Ново-Иерусалимской аллее в Варшаве. Родионов берет трубку обычного черного телефонного аппарата и говорит спокойно: «Алло! Добрый день!» Это у него прямая и немедленная связь с Варшавой. «Какой у вас план потребления газа на будущий месяц? Сколько? Хорошо, понятно...»

Дмитрий Глинский, молодой бородатый машинист технологических компрессоров, объясняет: «Условно говоря, мы отсюда питаем всю Варшаву...» Ну это и хорошо, и приятно знать, что мы питаем всю Варшаву, но ведь уже штампом стало газетное словосочетание о том, что сотрудничество — дело взаимовыгодное. Так в чем тут наша выгода? Глинский кивает своей эффектной головой. Это тот вопрос, который не может не задавать себе каждый, кто так или иначе связан с газопроводом, а тем более тот, чьи руки придают газообразному богатству толчок, выталкивающий его за границу. Он, компрессорщик, газовщик, конечно, думал об этом. «Строительство газопровода дает импульс строительству жилья. Вот что важно. В Кобрине с жильем проблема... Сейчас поляки строят два дома, в одном из них я получу квартиру. Но не только в этом дело,— говорит он, уводя разговор от того, что газопровод дает именно ему, ему лично.— Дело в том, что возникают возможности. Газопровод, он многое дает в потенции, понимаете? То есть возникают возможности, которые мы или используем, или нет. Тут уже поляки ни при чем, все уже зависит от нас самих».— «Какие возможности?»— «Можно строить газовые автостанции и переводить транспорт на газ. Это экономично. Можно тянуть «нитки» к еще не газифицированным районам. Можно наращивать строительство жилья, используя мощности «Энергополя»...»

С жильем в Кобрине действительно проблема. В центре города целая улица эффектно выкрашена в розовые и зеленые тона, на фасаде одного из домов возобновлена надпись «Турецка пекарня»; можно любоваться и радоваться такому почтительному отношению к старине. Но желание любоваться и радоваться проходит, если не поленишься и обойдешь дома кругом. Краски ли не хватило на зады, или красить их бессмысленно, но тут черные, отсыревшие стены, осевшие от влаги двери, тесные, темные коридоры. Конечно, люди, живущие здесь, вовсе не обязательно получат квартиры именно в тех двух девятиэтажках, что строят поляки в получасе ходьбы от центра, но кто-то из городских очередников все-таки получит, и очередь так или иначе продвинется. Утешает ли это тех, кто живет в плохих условиях? Вряд ли. Что их вообще может утешить, кроме новой хорошей квартиры? Но дело в том, что газопровод в некотором роде играет роль разгоняющего локомотива для жилищного строительства в Кобрине и окрестностях. Тот же «Энергополь» возведет целый массив жилых домов. «Там будет город побольше Высокого»,— говорит инженер Мизюк, когда наш «рафик» по пути на ГИС (газовая измерительная станция) проезжает городок Высокий, имеющий тысячи жителей. Так вслед за газопроводом возникает инфраструктура цивилизации — подъездные пути, жилые дома, детские сады и школы...

Газовая измерительная станция находится в прекрасном месте. Высокие деревья стоят вокруг серебристых мощных агрегатов. С одной стороны лес, уходящий к близкой границе, с другой — просторное поле, по которому вьется дорога, уводящая назад, в Высокое. Если крестьянское поселение, лежащее на отшибе, называется хутором, то ГИС — нечто вроде технического хутора: замкнутый, тихий, удаленный от начальства мирок, где тишину время от времени разрывает свист газа, бьющего вверх из узкой трубы. Это срабатывает предохранительный клапан. Оператор ГИС Владимир Тумидой водит нас от агрегата к агрегату, показывает приборы, ладонью хлопает по трубе в двух местах, разнесенных на пару метров: «Здесь газ еще советский, а здесь уже польский. Уходит в ту сторону». Он кивает на лес. Самописцы вычерчивают на картонных кругах красные линии, инженер-варшавянин Збигнев Карандышовски записывает в большую амбарную книгу цифры, фиксирующие объем проходящего газа, а Ольга Кучко, родившаяся и выросшая в Высоком, на хромографе определяет химический состав. Они улыбаются друг другу, как старые друзья, поставленные вдруг в необходимость соблюдать служебные отношения. Они соседи, живут в одном доме, на одном этаже, Новый год встречали вместе, объединившись семьями... «Что мне нравится в моей работе? — спрашивает Ольга Кучко.— Нравится, что в моем распоряжении сложная электроника. Нравится, что есть перспектива. На работу я каждый день прихватываю с собой «Справочник молодого химика», собираюсь поступать в химический вуз в Москве... Нравится, что близко от дома. Мне легко здесь, потому что я здесь выросла,— смеется она.— ГИС, построенная рядом с нашим городом, изменила мою жизнь — я получила новую работу и новую квартиру...»

По узкому синеватому шоссе мы возвращаемся в Кобрин. Город открывается нам своим новым районом. Мы въезжаем на стройку. Ни окружающая нас атмосфера (штабеля кирпичей, цементная пыль), ни собственная одежда (забрызганные сапоги, синяя роба) не мешают бригадиру Станиславу Макуху быть галантным: жестом, достойным мушкетера, он срывает с головы желтую каску и галантно целует руку переводчице. Эти два дома, стоящие на расстоянии ста метров друг от друга, и есть тот «соцкультбыт», который так нужен Кобрину. Каменщик Тадеуш Вациньский один из тех, кто возводит эти стены. «Тадеуш, тебе все равно, что строить — жилой дом или техническое сооружение?» Он думает, медлит отвечать. Он строит всю жизнь, с четырнадцати лет, когда поступил в строительное ПТУ и во время практики возводил в Лодзи стену склада, стоящего и сейчас. «Не знаю... Жилой дом, наверное, приятнее. Но нужно все». Он, строитель, знает, что жилой дом не возникает на пустом месте, что прежде должны быть дороги, коммуникации, трубы в земле, источники газа, электроэнергии, производственные мощности, обеспечивающие стройку оборудованием и материалами,— вся та сумма техники и технологии, которая позволяет быстро и хорошо возводить кварталы и обеспечивать цивилизованную жизнь для людей, переезжающих в новые квартиры. «Ну, и без старания, конечно, не обойдешься,— говорит он.— Надо любить свое дело. Любить стены, которые строишь».

Он говорит очень медленно, как будто сначала мастерит фразу за своим крепким загорелым лбом, а только потом выпускает ее на свет. «Важна скорость. Жилые дома не должны запаздывать. Они должны строиться одновременно с промышленными объектами. Наша строительная методика отличается от советской. Ваши строители сначала возводят коробку, а потом в нее приходят отделочники, сантехники. Мы же тут кончаем этаж, начинаем возводить следующий, а под нами сразу же устанавливают оборудование, ведутся отделочные работы. Это зна-

со стр. 14 ▼

чит, что должна быть своевременная поставка материалов. Мы взяли обязательство сдать дома к ноябрьским праздникам — надеемся, ваши товарищи поддержат нас ритмичной поставкой...»

«Раньше мы строили дома при долевом участии горисполкома,— говорит главный инженер Кобринского ЛПУ Н. Л. Крипеневич.— Это давало 5—10 квартир в год. Жилищная проблема решалась медленно. В очереди у нас стояло сто человек, при 350 работающих. Очередь была лет на десять-двадцать. Но строительство газопровода изменило ситуацию. С поляками было заключено соглашение о том, что они строят и весь соцкультбыт. Для этого «Энергополь» привлек другие польские фирмы. Один дом они уже построили. Из 36 квартир 25 там наши, 11 принадлежат городу. Сейчас у нас в очереди осталось 68 человек. В ноябре, когда поляки сдадут оба дома, это даст еще пятьдесят квартир. В очереди останется 18 человек. Государственная программа предусматривает решение жилищного вопроса к двухтысячному году, но мы, в ЛПУ, решим этот вопрос с опережением на несколько лет. И это еще не вся выгода от сотрудничества».

Дело в том, что часть Кобрина не газифицирована. Какая часть? Когда ходишь по городу, видишь домики, стоящие за мостом через реку Мухавец, за памятником, поставленным тут в честь победы над французами в 1812 году. В этих домиках газа нет, вся та часть города еще не получила своей «нитки». По старому, произнесенному к дате, докладу, извлеченному из стола Крипеневичем, следует, что в Кобрине газифицировано 98 процентов домов — цифра, нереальность которой и ему и мне очевидна. «Да ну ладно...» — сам себе огорченно говорит инженер, досадуя и на нашу общую недавнюю манеру отмечать даты, рапортуя о еще не одержанных победах, и на отсутствие под рукой цифры реальной и новой. Но ясно — газ нужен Кобрину так же, как нужен и деревням вокруг него.

«Газопровод в этом смысле дает колоссальную возможность! — говорит Н. Л. Крипеневич.— Это как канал, прошедший по пустыне,— можно делать отводы. Предусмотрена возможность подключения и газификации северо-запада Брестской области. Первые ласточки уже есть. В шести местах появился газ. Деревня Макарово сейчас тянет к себе отвод от ГИС, где вы были. Газ теперь у нас под боком. Все зависит от того, насколько умело и быстро мы сумеем воспользоваться новыми возможностями...»

■

тернедели из Ливана, Палестины, Сирии, Индии. Не было пока участников «Эль Маядина»: задерживались после концерта, поэтому пришлось включить магнитофон. Что за клуб НИС без музыки?

Палестинец Ураби Эль Савальме, студент ВГИКа, будущий кинооператор, нашел во время Недели сюжет для фильма. Новосибирские школьники написали сотни писем палестинским детям, приготовили для них подарки: игрушки, сувениры. Свои подарки и письма ребята передали представителям Организации освобождения Палестины.

— Это будет фильм о детях. Совсем короткая лента, которой не понадобятся дикторские разъяснения и комментарий. Камера словно проходит весь путь от новосибирской школы до палестинского лагеря вместе с подарками советских ребят. Первые кадры: лица советских детей, тех, кто отправлял письма... Нет, об этом непременно надо делать фильм, эти лица надо просто показать, описать их нельзя, и не пытайтесь — их нужно видеть... Потом дорога... То, что можно увидеть по дороге: разрушенные города, сожженные деревни Палестины. Здесь тоже не нужен комментарий, правда? Разрушенные дома говорят сами за себя... И в конце — снова лица детей, лица палестинских детей... Крупным планом глаза, а в них — радость и удивление: подарки из такой далекой страны, из сибирского города...

Магнитофон всем порядком надоел, когда, наконец, объявился «Эль Маядин» и сразу же исправил положение. Нельзя сказать, что до прихода ребят в клубе было очень уж тихо... Но что там началось потом! Эль-маядиновцы уселись вкруг стола и запели... Ну зачем нужны микрофоны, когда у людей такие голоса?! И аккомпанемент был достаточно мощный: две гитары в руках у Абдуллы и Карима и множество чашек, с успехом заменяющих ударные в руках у всех желающих попеть вместе с «Эль Маядином». Хор и оркестр получились замечательные. Клуб НИС опять исправно работал «весь вечер», то есть до утра.

МАЕВКА. «Об Афганистане написано очень много песен. Просто их не знают»... На сцене ансамбль, участники которого — ребята из Совета воинов-интернационалистов.

Они немногословны.

«Эту песню сочинил мой друг, которого больше нет»...

И надо ли говорить что-то еще?

Их песни просты, и поют они просто. Песни звучат так, как они должны звучать: так, как звучали там...

На площади снова тихо. Многолюдная площадь умеет быть безмолвной.

ВОЗЗВАНИЯ. В день открытия Недели начали свою работу агитточки. На площади возле университета, у Дома ученых, у кинотеатра — в самых людных местах каждое утро появлялись столы, к которым спешили подойти жители и гости Академгородка. На столах аккуратными рядами были разложены значки, вымпелы, эмблемы, плакаты — атрибуты Недели, уникальные в своем роде, потому что делали их по заказу оргкомитета специально для НИС. Средства, вырученные от продажи этих вещей, перечисляли в Фонд мира. Здесь же, на столах, продавались билеты на все мероприятия Недели. Занимались организацией агитточек бойцы университетского стройотряда.

Но агитточки не просто торговали сувенирами и билетами. На столах лежали листы-воззвания, под которыми собирали подписи.

«Решается судьба Горного Алтая!» — этот лист первый.

«Спасти Асканию-Нова!» — это лист второй.

Министерство энергетики СССР уже в 1983 году начало работы по строительству комплекса ГЭС на реке Катунь, хотя проект еще не был утвержден, не были продуманы возможные экологические последствия этого строительства, не решена судьба исторических памятников, которым грозило затопление. И еще многое было «не»...

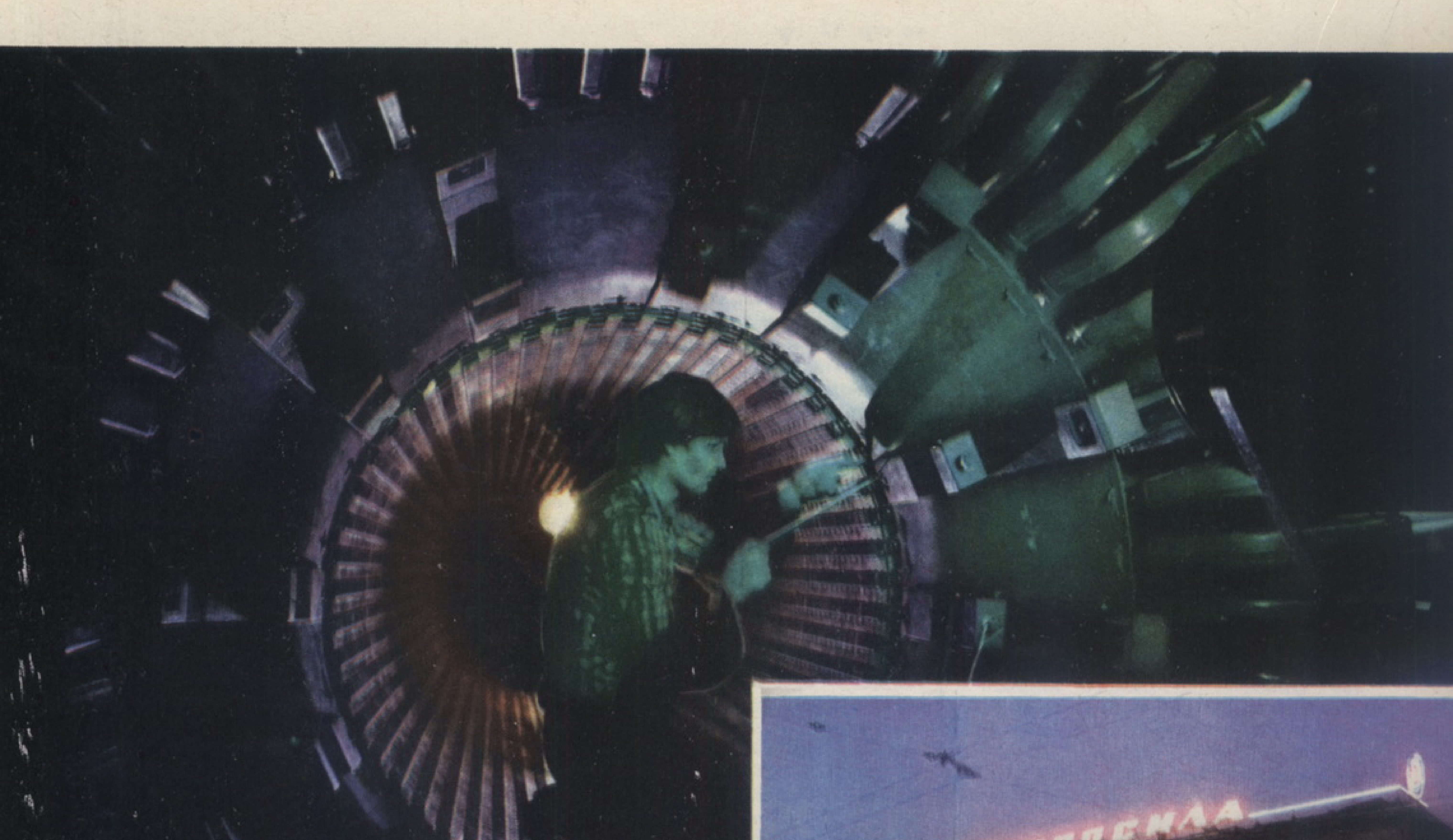
В воззвании, подготовленном оргкомитетом НИС, предлагалось «силами ученых Сибирского отделения АН СССР... разработать альтернативные варианты развития региона».

Аскания-Нова — первый заповедник Советской России и единственный заповедник целинной степи в Европе. Но теперь территория его сокращается. По биосферному (!) заповеднику гуляют стада овец. Уменьшается число животных и птиц, зато растет число браконьеров...

Листы-воззвания ждали подписей. Люди подходили, читали и задумывались. Кто-то — над прочитанным. Кто-то — над тем, стоит ли подписывать? Если честно, подписывали не все. «Развернуть строительство Катунской ГЭС»,— записано в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986—1990 годы и на период до 2000 года». Но ведь в этом же документе сказано: «Воспитывать у советских людей чувство высокой ответственности за сохранение и приумножение природных богатств, бережливое их использование». Так что желание организаторов НИС подумать, поизучать и предложить безвредные для природы и исторической памяти пути развития региона вполне в духе XXVII съезда.

Неделя интернациональной солидарности. И вдруг — вопросы «внутреннего» значения. Противоречие? Нет. Интернационализм и патриотизм неотделимы друг от друга. Чтобы протягивать руку помощи тому, кто в помощи нуждается, надо самому очень крепко стоять на ногах...

...А под воззваниями в течение недели поставили подпись шесть тысяч человек.

«ЭЛЕКТРОСИЛА» принимает иностранного корреспондента

Уве ЭНГЕЛЬБРЕХТ,
корреспондент ряда западноевропейских изданий в Москве

Валентина Андреевна Муринас в замешательстве. Такой мы ее видим в первый и последний раз. Она совсем не готова к нашему вторжению в ее кабинет. Перед ней кипа документов: через несколько минут начинается заседание дирекции объединения «Электросила» имени С. М. Кирова, а генеральный директор Б. И. Фомин, хотя умеет быть самой любезностью, просто не выносит опозданий.

Но вскоре мы понимаем, что не это обстоятельство озадачило Валентину Андреевну: за предыдущие дни мы немного узнали ее характер — она не боится никого и ничего. Звонок ее секретаря сообщит Б. И. Фомину о неожиданной помехе. Директору придется смириться. Симпатичная, средних лет хозяйка кабинета обеспокоена другим: гостей, даже если они приходят в неподходящий момент, следует угостить, хотя бы символически. Но чем? Кабинет главного экономиста гигантского предприятия не приспособлен для подобных случаев. Выход все же найден, секретарь начинает готовить кофе.

Слегка отвернувшись, она приводит в порядок свою косметику, а чтобы отвлечь наше внимание от этого чисто женского занятия, рассказывает об экспорте турбин, производительности труда, валютных поступлениях. И совсем неожиданно переходит к разговору о себе: по-видимому, не желая, чтобы у нас создалось о ней ложное впечатление. Дома она хочет быть только женщиной, заботливой и послушной женой, ее муж занимает не такую высокую должность на другом предприятии. Отдать себя полностью работе просто страшно: рискуешь потерять — или почти потерять — женственность, свое лицо. Казалось бы, странные рассуждения, но в СССР мы часто слышим подобное: многие советские женщины, занимающие руководящие посты, считают своим долгом давать такие разъяснения, как будто ищут понимания.

За неделю, которую мы провели на «Электросиле», промышленном гиганте Ленинграда, у нас было с Валентиной Андреевной три долгие беседы. Это большая любезность с ее стороны: ведь именно Валентина Андреевна осуществляет экономическое руководство основным предприятием крупного промышленного комплекса, куда входят три завода и научно-исследовательский институт. Кто-то из дирекции предприятия в разговоре со мной обронил: «Муринас значит здесь больше, чем замдиректора» (их шесть).

Но в ней нет и намека на «железную леди». Ее любезная доброжелательность не что иное, как черта характера. Хотя,

как я понял, прочитав ее статью в газете «Правда», она умеет быть твердой, когда это требует дело. В этой статье, пышущей гневом, с неустрашимостью тигра она обрушилась на чрезмерную централизацию планирования и неспособность столичного руководства координировать задания. Мнение, высказываемое администрацией «Электросилы», обычно не принималось в расчет высшим руководством. Ее статья — акт мужества, обнаруживающий решительность и отказ от любого компромисса человека, уверенного в своей правоте.

Головное предприятие объединения, которое располагается по обе стороны Московского проспекта в Ленинграде,— завод с богатыми традициями и одновременно экспериментальный. Он основан в 1898 году. Его нынешняя продукция — турбогенераторы, в том числе для атомных электростанций и для атомоходов, так же как и турбины для гидроэлектростанций с отличными техническими характеристиками — входит в число технологически наиболее передовых изделий мира. Гидрогенераторы «Электросилы» работают не только по всему Советскому Союзу, но и в Восточной Европе, в Канаде и в Южной Америке; имеются деловые связи почти с 80 странами.

Кто работает на «Электросиле», к тому в Ленинграде относятся с уважением, особенно к старшему поколению. Но и у заводской молодежи рабочий патриотизм и чувство принадлежности своему коллективу очень развиты, и часто бригада сохраняет рабочее место за товарищем, пока он служит в армии, или, случается, возмещает работнику часть потерянной им из-за болезни зарплаты.

Врачи заводской поликлиники тоже ощущают привилегию работы на «Электросиле»: финансовые возможности предприятия гарантируют им более высокие оклады, и дотации на лекарства солиднее, чем в городских поликлиниках и некоторых больницах. Возьмем, например, Николая Корниловича Горбадея, профессора, доктора медицинских наук, заведующего профилакторием, каких много на советских крупных предприятиях. Н. К. Горбадею 72 года, он злейший враг алкоголя и никотина, бывалый человек, любит рассказывать о случаях из своей жизни. Все 74 места профилактория каждый вечер заполнены: рабочие дневной смены под наблюдением профессора принимают лечебно-профилактические процедуры. Практикуются классические методы, такие, как диета, кислородные коктейли и тому подобное. Профессор Горбадей также убежденный сторонник лечения лекарственными травами, действие которых он изучал в Индии и Китае.

«Электросила» — одно из самых первых предприятий, которые в 1984 году начали широкомасштабный экономический эксперимент. Его суть заключается в предоставлении предприятиям более широких прав как в области планирования, так и в использовании фонда заработной платы, фонда развития производства и т. д., что должно привести к увеличению производительности и, следовательно, доходов.

Вопрос исключительно сложный, и его детали еще не до конца разработаны. Дело идет со скрипом, и часто встречаются непредвиденные трудности, как свидетельствует выступление Валентины Андреевны Муринас в «Правде». Она и сама признает, что некоторые руководители еще не готовы к подобной независимости. «Многие товарищи,— утверждает она,— нуждаются в психологической подготовке к новым условиям работы, которые, правду сказать, могли появиться и раньше: много было хороших начинаний, но они не доводились до конца». По крайней мере по одному пункту «Электросила» наряду с еще четырьмя ленинградскими предприятиями уже произвела окончательный разрыв с прошлым, разрыв, получивший широкое одобрение в печати, но, с другой стороны, расцененный некоторыми как чрезвычайно рискованный шаг: был частично сокращен персонал конструкторов и технологов. Факт политически гораздо более сенсационный, чем если бы у нас вдруг отменили такие праздники, как пасха.

Проблема, стоящая перед «Электросилой», та же, что и перед всей советской промышленностью. Работа инженера, столь уважаемая в свое время, с годами утратила значительную часть престижа. Самая важная тому причина — низкая зарплата. Средняя зарплата составляет на «Электросиле» около двухсот рублей в месяц. Квалифицированный рабочий может заработать (то же касается и водителя общественного транспорта в Ленинграде) до трехсот рублей. А начальный оклад инженера от 115 до 130 рублей, и потолок после долгих лет работы — 170—180 рублей.

Если же предприятие хочет заполучить талантливого работника, оно должно прибегнуть к одному из тех трюков, что делали столь загадочной советскую экономику: найденный талант назначают начальником отдела. А это означает, что нужно создать отдел, то есть принять на работу определенное количество инженеров, практически ненужных.

В советской экономической системе возможности сокращения штата, можно сказать, даже не предусмотрены. И вот в Ленинграде изобрели обходной путь, столь разумный, что уже в 1983 году он получил одобрение партийной организации предприятия. Администрация провела большую работу, разъясняя свои предложения коллективу завода.

После трех бурных партийных собраний приняли решение образовать комиссию, которая должна была установить с помощью всех заинтересованных лиц, в ком завод не нуждается. Еще до начала действий комиссии сорок специалистов уволились по собственному желанию и нашли другое место работы: они сами почувствовали, что будут признаны ненужными. Другие должны были представить отчет о работе, проделанной за последние годы. Отчеты тщательно изучались, а работа оценивалась присуждением очков. Потом собирали общее мнение типа «X соответствует (не соответствует) должности».

После сокращения штата зарплата оставшихся в среднем выросла на 20 рублей (для отдельных работников эти надбавки составили от 50 до 150 рублей). Отдача, как утверждают, значительно выросла, но в основном скорее по психологическим, чем по материальным причинам: открылась дорога перед способными инженерами. Они получили гарантии, что их талант будет оценен по заслугам. Вырос и стимул постоянно совершенствовать свою профессиональную подготовку, поскольку аттестация будет проводиться каждые пять лет.

И все-таки некоторые проблемы в оплате труда еще остаются. Работу проектировщика труднее количественно оценить, чем работу сдельщика, здесь возможны субъективные пристрастия, могут создаваться напряженные ситуации.

Мы сидим за столом в профкоме, обсуждаем частные вопросы. Мне показывают свежий номер «Ленинградской правды», где рассказывается, как на одном крупном заводе такое же мероприятие, но плохо подготовленное, пришлось остановить из-за сопротивления тех, кого должны были коснуться новые методы.

Против таких недоразумений, убеждают нас секретарь парткома, председатель профкома, секретарь комитета комсомола, есть лишь одно средство: никаких секретов, как можно больше гласности. Жалобы недовольных должны обсуждаться на собраниях с участием всех. Вадим Смирнов, 26 лет, инженер и секретарь заводской комсомольской организации, объединяющей 3200 человек, не видит причин для беспокойства: все пойдет хорошо, поскольку, как показывают опросы, 90 процентов молодых рабочих поддерживают новую систему. У нас невольно возникает вопрос: «Но если на всех предприятиях все пойдет так, что будет с «сокращенными»?» Краткое замешательство, потом философский ответ: «Они найдут другую работу, да ведь и речь идет о длительном процессе...» Сказанное относится не только к этому, но и к другим новшествам.

Естественно, рабочие «Электросилы» следили за развитием событий внимательно и с любопытством. Те, кому мы задаем вопросы, к нашему удивлению, хорошо осведомлены. И для них планируется кое-что новое, в частности реорганизация бригадной системы. Попросту говоря, каждая малочисленная или крупная бригада превратится в самостоятельную экономическую единицу, которая в определенном смысле будет «продавать» свою продукцию предприятию на оговоренных условиях. Теоретически прекрасная, демократичная идея: бригада самостоятельно решает, в каком количественном составе она будет производить продукцию, заботясь в своих интересах об экономии рабочей силы, материалов, энергии, времени, поскольку за это предусмотрены дополнительные премии. Полученное делится затем советом бригады в соответствии с показателями производительности каждого работника. Секретарь парткома считает это прекрасным средством воспитания: так будет внедрено самоуправление и

коллективное управление, бригада будет заинтересована в приобретении ее членами смежных профессий с тем, чтобы при необходимости можно было заменить любого рабочего; кроме того, бригада выявила бы в своей среде бездельников и научила бы их «хорошему поведению».

Бригадир Иван Степанович Шаров, 50 лет, говорит, что и сегодняшнее положение его вполне устраивает. Каждый член бригады получает такую зарплату, какую он заработал при своей квалификации. Если же совету бригады — сам Шаров и еще четыре выбранных на общем собрании рабочих — необходимо наказать бездельника или, наоборот, поощрить передовика, то он имеет право снять или прибавить до 35 процентов премии. Коэффициент трудового участия также принимается в расчет только при премировании и не касается основной зарплаты, которая остается неизменной.

А вопрос дисциплины? «Конечно,— говорит Шаров,— некоторые недисциплинированные были исключены из бригады и были переведены на почасовую или сдельную работу. Но за последние пятнадцать лет в моей бригаде таких тяжелых случаев не было, самое большее — пара бездельников». Когда ему на стол ложится докладная о нарушении дисциплины, он сам пытается решить вопрос, обращается к семье провинившегося, жене или родителям. Если это не помогает, вопрос выносится на собрание бригады.

— Да, мы обычно разрешаем все проблемы сами,— говорит И. С. Шаров.

Но сложности, связанные с новшествами, продолжаются. Ни на «Электросиле», ни на любом другом предприятии никогда столько не спорили на всех уровнях, как в последние два года. Генеральный директор «Электросилы» Борис Иванович Фомин, 59 лет, в отличие от некоторых других руководителей споры одобряет. Сначала он отказался нас принять: он действительно очень занят. Потом согласился. Он с пылом рассказывает нам о новом в жизни объединения и о барьерах, которые приходится преодолевать. Человек, сидящий перед нами, не бюрократ, а энтузиаст перемен.

Б. И. Фомин считает, что многие из методов управления экономикой, возникшие в разные десятилетия, теперь стали чисто формальными и не срабатывают. «Старики пережили самих себя, им трудно перевести стрелку»,— говорит он. Но диалектика требует движения. Многие, но не Фомин, недовольны молодыми. «Я ими очень доволен». И когда кто-нибудь замечает, что он ведет себя как восемнадцатилетний, Фомин принимает это как комплимент, считая, что сегодняшнее поколение значительно превосходит в образованности то, что росло сорок лет назад. «Нас приучили делать все кое-как, не подумав, с помощью мускулатуры». Новое же поколение сумеет использовать и экономические, и управленческие рычаги, потому что оно владеет более высокими техническими и научными методами. И кроме того: «Необходимо больше самостоятельности, самостоятельности и еще раз самостоятельности руководству предприятий. Чем меньше бюрократической структуры, тем лучше. Все то, что не работает, а только запутывает, должно быть убрано с дороги». Борис Иванович, Валентина Андреевна, Вадим Смирнов и почти все, с кем мы познакомились,— энтузиасты перестройки. Но есть люди более скептичные или осторожные, они советуют не спешить. Но все без исключения чувствуют, что необходимость преодоления старого, застойного положения настолько насущна, что нельзя капитулировать перед практическими проблемами, которые, естественно, существуют.

Уже сейчас есть основание предположить, что пионеров производства ждет успех, с годами их число будет расти и набирать силу. После XXVII съезда КПСС они убеждены: в дальнейшем все будет и должно идти с гораздо меньшими трениями, они также убеждены, что постепенно можно будет покончить с чрезмерной опекой министерства.

Экономическая реформа превратит «Электросилу» в предприятие, обладающее широкой самостоятельностью в решении производственных и экономических вопросов.

Рабочие «Электросилы» достойны своей репутации пионеров. Недаром на последнем съезде КПСС ленинградские новаторы заслужили самых высоких отзывов.

Сокращенный перевод И. СМАГИНА

Прочитав очерк Уве Энгельбрехта, нам показалось, что будет интересно узнать о нем мнение Валентины Андреевны Муринас.

Валентина Андреевна читала материал внимательно, профессионально. Посмеялась над его «женской» частью, впрочем, заметила: «Не считаю, что нужно быть неприветливой». Того иностранного корреспондента она помнит, хотя на «Электросиле» зарубежных журналистов бывает много — популярным стало объединение с началом экономического эксперимента. «Он задавал толковые вопросы». Написано все, в принципе, правильно, хотя можно кое-что уточнить.

Уточнить стоит прежде всего вот что. Накануне нашей встречи Валентину Андреевну Муринас назначили заместителем генерального директора по экономике. Хотя табличка на двери кабинета все еще старая: «Гл. экономист».

— Работа осталась такой же громадной, как и была, а свои судят обо мне не по табличке на двери.— Повышение для нее, так сказать, точка над «i», признание того, что в наше время к экономистам предприятий «нельзя относиться как к несмышленым детям, содержать их под опекой семи нянек». Это ее слова из статьи, опубликованной в «Правде» два года назад.— Скорее изменился статус всей экономической службы. А то бывало дозваниваешься по срочному делу заместителю министра энергетики, а его секретарь спрашивает, кто говорит. Отвечаешь — главный экономист, и в ответ: «Я вас не соединю». Скромничать в работе нечего: считаю, этой участи я достойна; человек я решительный, в том смысле, что на мне ответственность за принятие очень многих решений.

— Вот тут, где сказано о том, что мнение «Электросилы» высшим руководством в расчет не принимается, автор сказал только половину правды. Действительно, в том, что касается плановых показателей, при согласовании плана, нас не очень слушают. Но мнение объединения, которое выпускает от электрокипятильников и пылесосов до турбогенераторов — «миллионников» для АЭС, в министерстве значит многое.

...Место за ушедшими в армию сохраняется еще и потому, что, как вы знаете, рабочих рук у нас не хватает, и не хотелось бы, чтобы какое-то другое предприятие переманило нашего рабочего. Поэтому бригада и числит его в своих списках и обходится меньшим числом. Там же, где в статье говорится о возмещении в случае болезни части потерянной зарплаты, речь идет, конечно, о премиях. Премии заводчанам, работающим по сдельным расценкам, даются в соответствии с их коэффициентом трудового участия и распределяются советами бригады. Если ты, как работник, пользуешься в бригаде авторитетом, то получишь премию полностью, хотя бы и был болен.

...Небольшая неточность — Николай Корнилович Горбадей, личность на объединении, без сомнений, знаменитая, доктор медицинских наук, работает обычным врачом, а не заведующим профилакторием. Ему, кстати 75, а не 72. Я бы еще уточнила: создается впечатление, что дотации на лекарства берутся «с потолка». На самом же деле они часть средств, которые по согласованию с профкомом мы выделяем из фонда социально-культурных мероприятий. А он растет пропорционально росту производительности труда. Пока эти дотации распространяются только на диспансерных больных. С будущего года будем пытаться распространить их на всех, кто работает на «Электросиле».

Свои замечания Валентина Андреевна высказывала по ходу чтения статьи. Только на одном абзаце, где говорилось об экономическом эксперименте, она надолго остановилась.

— Написано только о предоставлении нам более широких прав — такой взгляд на нашу экономику, в сущности, упрощение. В жизни не бывает только предоставления прав без усиления ответственности. Так что я бы добавила: не только в надежде на увеличение доходов, но и на усиление ответственности за конечные результаты работы — выполнение договорных обязательств, заданий по росту производительности труда и прибыли.

Беседу вел С. КОЗИЦКИЙ

ЧЕЛОВЕК С ФОТОАППАРАТОМ — Питер Устинов, выдающийся английский актер, режиссер, писатель (он подарил редакции свой автопортрет — поздравление читателям «Ровесника», которому исполнилось в этом году 25 лет). Устинов родился в Англии, но происхождение ведет из рода русских художников и театральных деятелей Бенуа и всю жизнь был для англичан как бы посредником между двумя культурами — русской и английской. Питер Устинов написал книгу о нашей истории «Моя Россия», снял несколько телефильмов о Советском Союзе, а прошлой зимой опубликовал в журнале «Обзервер» путеводитель по Москве — для тех, кто собирается к нам в туристскую поездку.

«На первый взгляд Москва производит впечатление некоторой тяжеловесности. Она как бы неохотно раскрывает свои тайны, укрытые в боковых улочках, на укромных площадях, которые исполнены тихого очарования. Однако есть в Москве и нечто такое, что привлекает вас на главные артерии города. Эти улицы исключительно просторны, по сравнению с ними даже великолепная авеню Рамблас в Барселоне кажется узкой. В течение долгого времени такая планировка казалась странной, поскольку широкие улицы расточительны в городе с относительно небольшим по нашим стандартам движением, однако теперь, в условиях постоянного роста числа личных автомобилей, такой простор стал вполне оправданным. Это именно тот простор, о котором могут только мечтать водители и пешеходы на центральных улицах Лондона.

Кремль — священный символ города, возвышающийся над рекой. Его кирпичные стены и золотые луковицы куполов — типично славянский памятник ушедших веков, хотя и не без итальянской грации и пышности. Официальные здания Москвы несколько патетичны и напоминают Древний Рим. А станции Московского метрополитена выглядят как остановки на пути к его Форуму.

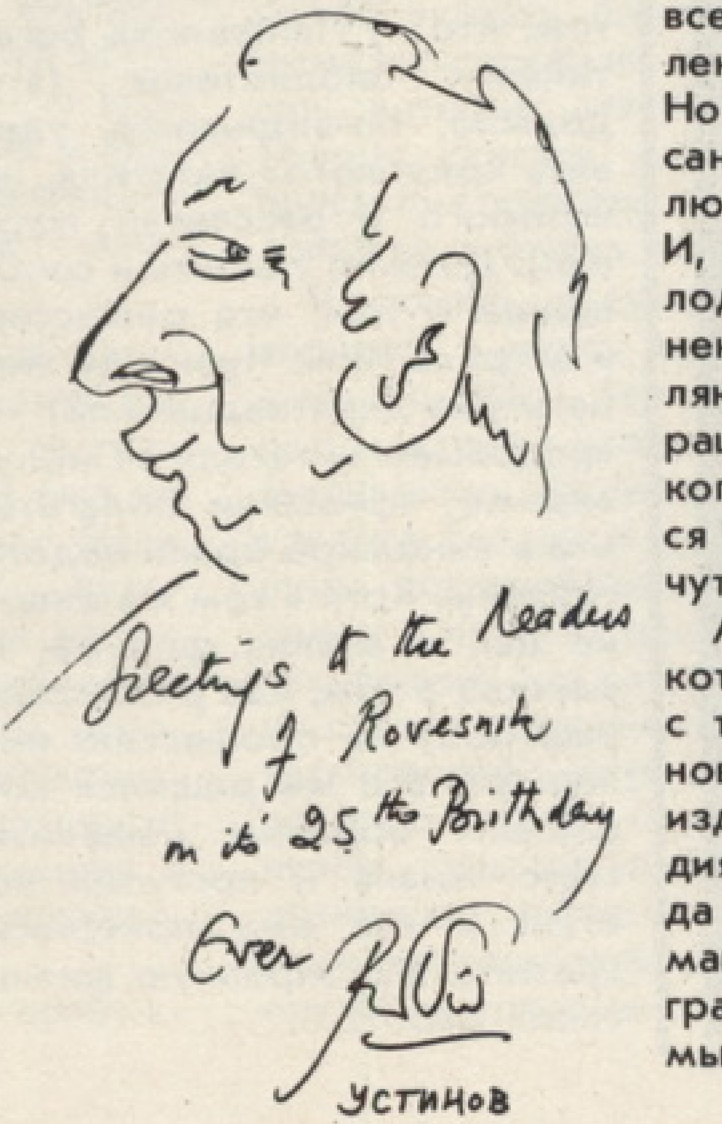
Чувство величественности усиливается расстояниями, с которых приезжий разглядывает здания на широких бульварах и огромных площадях. Но чем ниже здания Москвы, тем они выглядят уютнее, напоминая скорее большие деревенские дома, зачастую неопределенного архитектурного стиля. Создается впечатление, что бремя времени и снега лишило их первозданной симметрии, рамы окон слегка покосились, строгие прямые линии исчезли... Иногда они похожи на сказочные пряничные домики, и люди, входя в них, отряхивают вениками снег с обуви.

Западное представление о России как о стране, населенной угрюмыми и зарегламентированными людьми, погруженными в свои непонятные и унылые дела, совершенно ошибочно. Действительно, им пришлось приложить немало усилий, чтобы стряхнуть вековую медлительность, навеянную бесконечными пространствами, лютыми морозами зимой и засухами летом, и отрешиться от вытекающей из этих условий склонности к самосозерцанию и некоторой пассивности; однако за всем этим скрываются те самые оригинальные, живые, а временами необузданные характеры, которые живут на страницах романов Достоевского, Толстого, Тургенева, Чехова, Гончарова, Гоголя — всех тех писателей, которые обессмертили душу русского человека.

Москва — уменьшенная копия всего Советского Союза. Его достоинства скрыты внутри. Чтобы увидеть их, достаточно проявить минимум доброй воли и не обращать внимания на некоторые бытовые неудобства, ибо награды за это весьма многочисленны и разнообразны...»

Может быть, вы не во всем согласитесь с впечатлениями Питера Устинова. Но не забывайте, что написан этот «путеводитель» для людей, мало о нас знающих. И, возможно, «далекая и холодная» Москва, в которую некоторые англичане отправляются с любопытством, окрашенным чем-то вроде легкого беспокойства, покажется им после таких пояснений чуть ближе и теплей.

А для тех наших читателей, которые хотят познакомиться с творчеством самого Устинова, сообщаем, что недавно издательство «Молодая гвардия» выпустило сборник, куда вошли его рассказы, роман «Крамнэгел» и автобиографическое эссе «Уважаемый Я».

ЧТО ГОВОРЯТ, ЧТО ПИШУТ за рубежом о советской культурной жизни? В последнее время западная печать, «оттаивающая» после долгих лет, когда тон публикаций о советской культуре мало чем отличался от тона, принятого в период «холодной войны», как бы заново открывает для себя СССР.

Например, недавно в Лондоне с большим успехом прошла ретроспектива фильмов замечательного советского кинодокументалиста Дзиги Вертова. Но, уважаемые читатели, зададим себе вопрос: а многие ли из нас видели его работы? И, может быть, стоит у себя, в своем городе, районе попробовать организовать просмотр фильмов, искренне восхитивших лондонцев (наверное, сделать это в СССР будет легче, чем в Великобритании, надо только приложить усилия)? Последние годы искусство наших первых послереволюционных лет — поэзия Владимира Маяковского, плакаты РОСТА, «агитационный фарфор», работы архитекторов-конструктивистов — пользуется неожиданным и серьезным интересом за рубежом. Возможно, читатели «Ровесника» тоже сегодня открывают это искусство для себя, поскольку оно удивительно созвучно революционным переменам нынешних дней. (Интерес к Советскому Союзу нашел и такое выражение: лучший подарок иностранному гостю — наши значки, они полностью вытес-

нили «пуговицы» с картинками, которые считают такими модными некоторые наши ребята и девушки.)

Редактора американского рок-музыкального журнала «Роллинг стоун» Джена Веннера, с которым корреспонденты «Ровесника» встречались во время Московского форума «За безъядерный мир, за выживание человечества», интересовал вопрос: в какой степени многонациональная культура СССР отражается в советской рок-музыке? Джен Веннер полагает, что именно в наших многонациональных музыкальных традициях, в фольклоре таится бесценный источник обогащения мирового рока.

Что же касается самого народного творчества, то, например, корреспонденты американского журнала «Пипл» отмечают: «Государство стремится сберечь культурное наследие, и мы увидели, что дети якутов (север страны) изучают традиционное искусство, игру на национальных инструментах». И в качестве документального подтверждения правдивости сказанного приведена публикуемая здесь фотография. Мы с вами вправе удивиться: зачем нужны доказательства? Но до недавнего времени, рассказывая о национальных культурах нашей страны, западные журналисты нет-нет да намекали на их якобы прозябание. Так что и это сообщение, и фотография — для нас скорее свидетельство желания журналистов отрешиться от стереотипов в оценке всего советского.

Ломка стереотипов — дело трудное. Так журналисты, проведшие несколько вечеров у экранов наших телевизоров, пишут: «Программе «Спокойной ночи, малыши» могут позавидовать американские родители: советским родителям не приходится беспокоиться по поводу ориентированных на развитие потребительских инстинктов, полных насилия «детских программ», характерных для американского телевидения». Но одновременно им показались скучными дискуссии в программе «Проблемы, поиски, суждения», хотя для тех из нас, кто искренне озабочен положением дел в стране, эти дискуссии кажутся интереснее любого самого остросюжетного фильма. Но зарубежный телезритель не привык выдерживать такие «долгие разговоры», не перебиваемые невероятно бодрым ведущим или рекламными вставками. В то же время многих из наших зрителей раздражает сделанная в новой манере программа «До и после полуночи»...

Жизнь открыта, жизнь постоянно меняется, и давайте перестанем сетовать, что нас видят на Западе не так, как мы хотели бы. В наших силах изменить этот взгляд — став более открытыми новому, доброжелательными и при этом — не теряя достоинства.

«В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ нет системы «звезд» на манер голливудской,— пишет журнал «Пипл».— Советские знаменитости созданы отнюдь не рекламой. И если спросить русского зрителя об актерах и режиссерах, он назовет тех, кого считает самыми талантливыми, но никогда не скажет о них «звезда».

И все же, рассказывая своим читателям о режиссере Глебе Панфилове, авторе идущего с огромным успехом по экранам мира фильма «Тема», журналисты подают информацию в привычном «голливудском» ключе. Для нас всегда несколько неловко вторгаться в личную жизнь знаменитостей, а для американских читателей, помимо всего прочего, сообщается и о количестве комнат в квартире Панфилова (по американским стандартам — отнюдь не роскошной), и о том, что «у Панфилова богатейшая библиотека» (это должно, по-видимому, удивить «рядового» читателя, на которого и рассчитан журнал). Должно удивить и сообщение о том, что режиссер и актриса Инна Чурикова женаты уже девятнадцать лет — «рядовые» читатели «Пипл», видимо, привыкли полагать, что в киномире браки недолговечны. Хотя в том же очерке дан и анализ фильма, и рассказ о том, как режиссер, уже получив профессию инженера, все же решился коренным образом изменить свою жизнь и поступил во ВГИК и как ему пришлось сражаться за экранную жизнь своих работ...

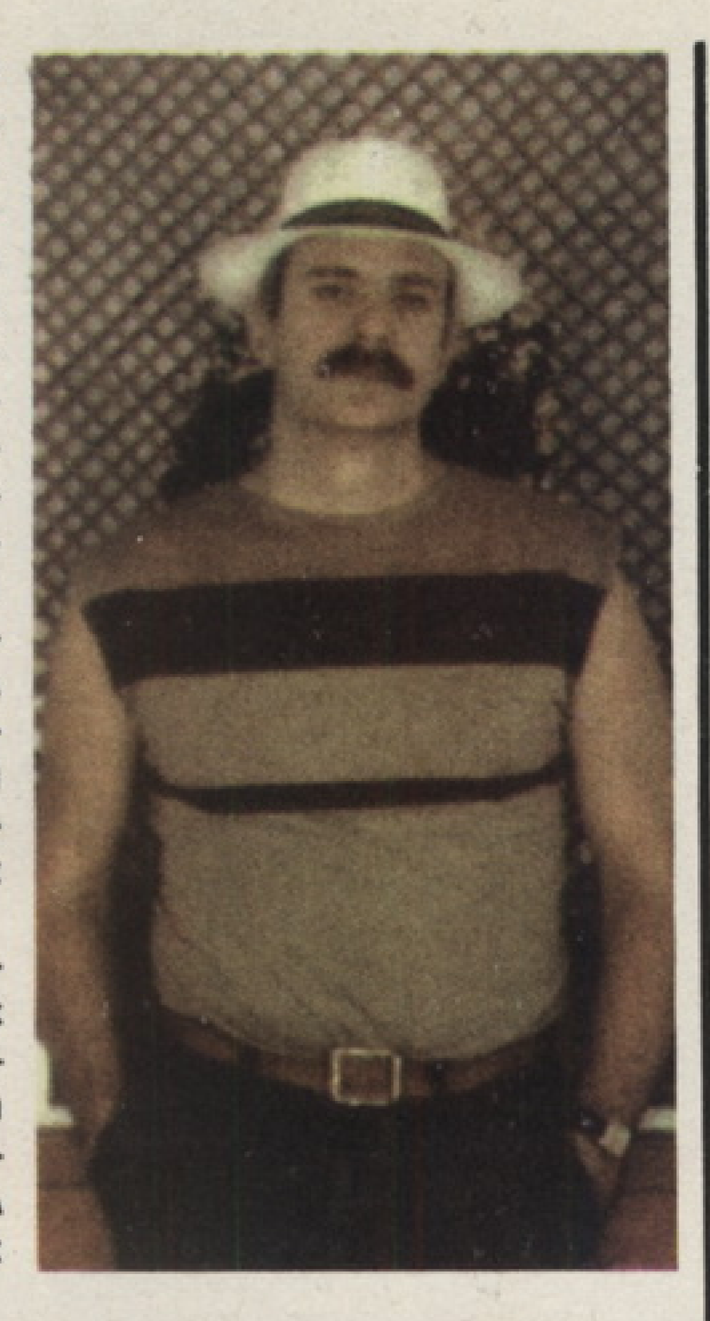

У нас действительно нет «системы звезд», однако зарубежные журналисты, публикуя обзоры о гастролях наших артистов, без этого определения не обходятся. Французы назвали клоуна Анатолия Марчевского «новой звездой мирового цирка», а итальянцы обращаются к актрисе Театра на Таганке Алле Демидовой так: «Товарищ актриса, ты божественна!», и добавляют: «Ее обаяние пересекает границы».

Итальянская работа советского режиссера Никиты Михалкова «Очи черные» была

вне конкурса представлена на XV Московском международном кинофестивале. Режиссер Никита Михалков, который и до съемок фильма «Очи черные» был любим итальянскими зрителями, теперь стал чуть ли не непременным «посетителем» каждого номера иллюстрированных журналов «Панорама», «Эпока», «Эуропео». А вот для американской публики все же самым близким фильмом Михалкова остается «Свой среди чужих, чужой среди своих» — видимо, потому, что он снят в традициях вестерна.

XV Московский международный фестиваль привлек широкое внимание зарубежной прессы. Обозреватели отмечают и новый дух фестиваля, и то, что он более, чем прежде, открыт для свежих веяний, свежих идей. «Фестиваль избавился от комплекса «русское — всегда лучшее»,— пишет, например, английская газета «Гардиан».— Но где же интересные, по-настоящему новые художественные фильмы, снятые именно советскими кинематографистами за последние два года? Документальное советское кино — «Легко ли быть молодым», фильмы о трагедии на Чернобыльской АЭС, другие ленты, в которых поднимаются острые, социальные вопросы,— как бы перетягивают к себе внимание зрителей».

«Перестройка — сложный процесс, какие-то ее результаты сразу бросаются в глаза, а что-то придется ждать годами,— словно отвечает на поставленный «Гардиан» вопрос итальянский журнал «Панорама».— Первое время «сенсаций взахлеб» прошло, теперь нам, как и советским художникам, деятелям искусства, наверное, надо спокойно и вдумчиво исследовать перемены. И ждать — не проникновения западной культуры в трещины советского монолита, а достойного развития советской культуры на ее собственной почве. Прекрасно, что русское общество стало более открыто для достижений зарубежного искусства, но возникают опасения, как бы вместе с достижениями не проникли и недостатки, в частности, буржуазная система «звезд» с ее шумихой, трескотней и напористостью».

«С 1982 ГОДА, КОГДА я открыл Дом моды, жизнь моя стала походить на поезд, не знающий остановок. Но счастье, которое я вижу в глазах людей, когда вожу свою коллекцию по стране, вознаграждает меня за этот тяжкий труд» — модельер Вячеслав Зайцев дает интервью французскому журналу «Пари-матч». Из его же интервью американской прессе: «Мы, русские, всегда жили богатой внутренней жизнью, испытывали огромную жажду знаний. Но никогда не заботились о своем внешнем виде, никогда не стремились выглядеть хорошо. Это не только вопрос эстетики. Наша страна живет в мире вот уже 40 лет. Жизненный уровень стал выше, и я жажду открыть для людей новые горизонты, освободить их воображение».

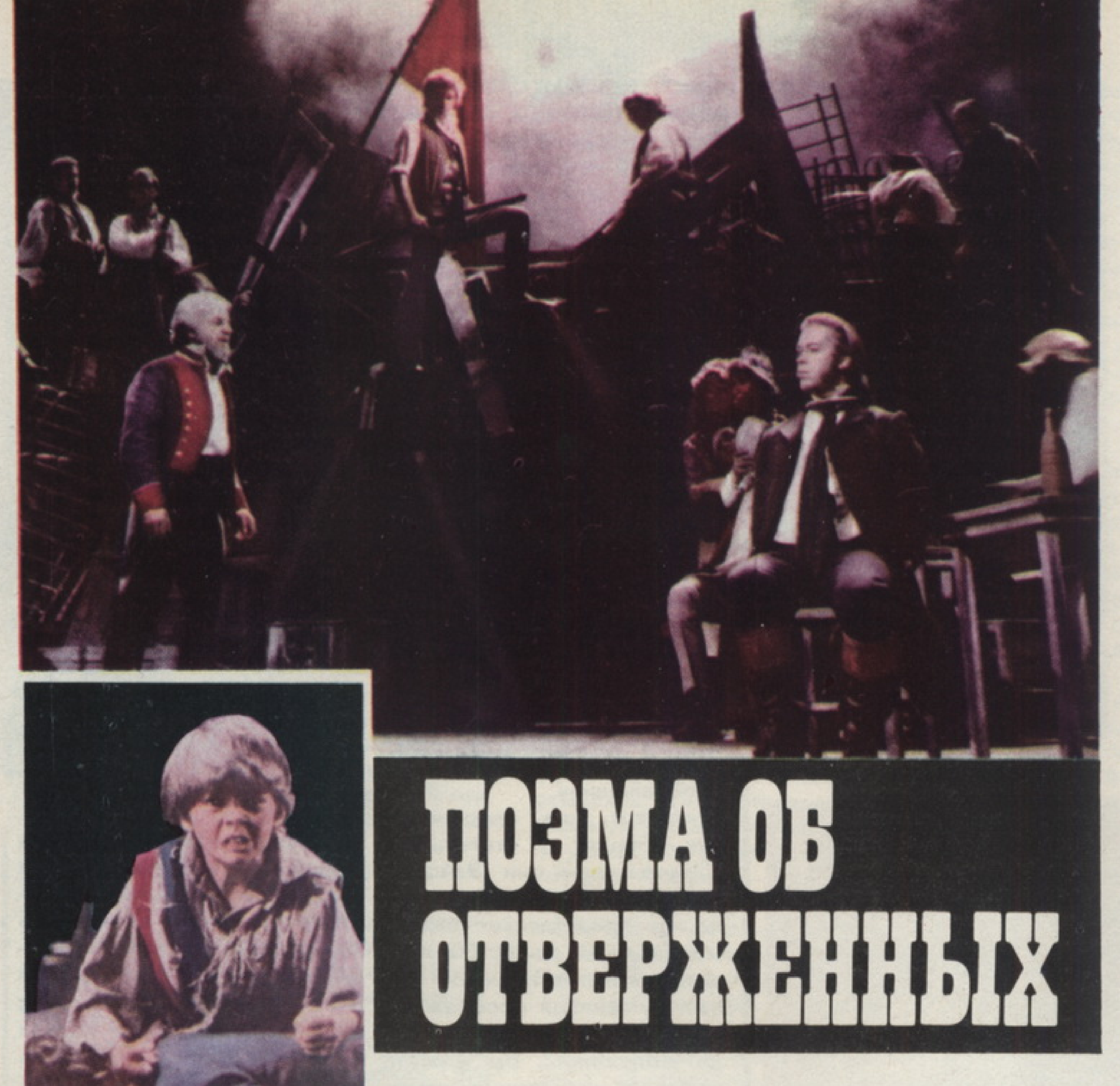

«А вот еще одно явление,— пишет итальянская «Панорама»,— сын Зайцева, Егор. В коллекциях своего отца он представляет сектор молодежной моды. Он продолжатель неутомимой династии, занятый проблемами молодежи, решением их ради молодежи... Вы можете встретить на страницах советской прессы те же слова, что так знакомы западному миру: металлисты, панки, рокеры... Но определяют они совсем другое: советские «металлисты» похожи на наших славной памяти молодых 68-го года: они простодушны, честны, полны иллюзий...»

«В мастерских советских художников ведутся бесконечные разговоры об искусстве. Среди художников нет звезд, бессмысленно пытаться определить направления, каждый работает по-своему... Самых оригинальных художников, пожалуй, надо искать среди иллюстраторов книг, особенно детских» («Панорама»).

«Двадцать лет назад художник Борис Диодоров создал славянский образ Винни-Пуха и его друзей для Бориса Заходера, автора высоко оцененной всеми русской версии книги А. А. Милна. Книга стала сенсацией в СССР, продано 2,5 миллиона экземпляров. Жена Бориса говорит: «Все персонажи «Винни-Пуха» похожи на моего мужа», но Борис возражает: «Единственный персонаж, который носит мои собственные черты,— это сам Винни... Между нами и американцами очень много общего. И очень жаль, что и помимо океана столь многое разделяет нас. Я искренне верю, что дети, читая сказки друг друга, смогут преодолеть эти различия и трудности. У всех сказок счастливый конец. А я верю в сказки» («Пипл»).

ПОЭМА ОБ ОТВЕРЖЕННЫХ

Уильям А. Генри III,
американский журналист

Мюзикл «Отверженные» поставил рекорд сборов на Бродвее. И вполне заслуженно. Музыкальная версия эпического романа Виктора Гюго — это мелодрама, дышащая гневом и страстью, и ее политический смысл имеет гораздо большее значение, чем лирическая тема. Большинство главных положительных героев пьесы погибают от насилия или горя, в то время как самые безнравственные живут и процветают — зритель не получает утешения в виде привычного счастливого финала, напротив, последняя сцена возвещает грядущие битвы.

И все же зрители уходят с этого эпического мюзикла в приподнятом настроении. Спектакль отличает великолепная постановка, хорошие голоса и высокое мастерство исполнителей. Однако своим успехом он обязан не художественному уровню, а прежде всего эмоциональному подъему. Эта пьеса — нечто гораздо большее, чем просто развлекательное представление, это — захватывающее переживание.

Мюзикл «Отверженные» уже давно идет с колоссальным успехом в Лондоне, билеты на восьминедельную пробную постановку в Вашингтоне были распроданы заранее, и вот теперь «Отверженные» — на Бродвее в Нью-Йорке. Причем выручка за билеты превысила 11 миллионов долларов — рекорд в истории американского театра. Уже объявлено, что заявки на гастроли труппы, поставившей «Отверженных», поступили из СССР, Болгарии, Японии, других стран. Права на постановку принадлежат импресарио Камерону Макинтошу, и он уверен, что «Отверженные» имеют шанс стать самым знаменитым мюзиклом за последние 20—30 лет.

Роман Гюго — о схватке добра и зла, где добро иронически представлено беглым каторжником, а зло — фанатичным полицейским, покорил публику сразу же после его публикации в 1862 году. Первое парижское издание, семь тысяч экземпляров, разошлось за 24 часа. С тех пор история борьбы между добродетельным вором Жаном Вальжаном и жестоким сыщиком Жавером была переложена для театра, роман был экранизирован почти что полтора десятка раз. В сущности, конфликт романа метафизический: Вальжан верит во всепрощение, Жавер — в карающую десницу. Однако это одновременно и панорама жизни угнетенных масс, роман о любви с первого взгляда, которая оказывается под угрозой из-за семейной тайны, это психологическое исследование и одновременно пламенное воззвание. Масштаб романа, его сложность, казалось, исключают перевод его в мюзикл, особенно в подобие рок-оперы, где каждое слово положено на музыку. Успех данной постановки объясняется тем, что она в сжатом виде воспроизводит основное содержание книги и притом остается волнующим и трогательным зрелищем.

Постановка столь насыщена событиями, что зрителям приходится делать усилие, чтобы следить за действием. Вот появляется закованный в цепи Вальжан: он совершает побег из тюрьмы, где он пробыл 19 лет за кражу всего лишь куска хлеба. Получив убежище у епископа, ожесточившийся Вальжан грабит его, чтобы снова быть пойманным полицией; но когда его хозяин дает ложное показание, будто он сам подарил Вальжану награбленное, Вальжан переживает душевное перерождение. Он и юридически становится другим человеком: уничтожает документы, берет себе новое имя и благодаря обстоятельствам приобретает состояние. Он дважды рискует своей свободой и благополучием для спасения других людей. Подружившись с умирающей швеей Фантиной, Вальжан еще раз уходит от Жавера, чтобы посвятить себя воспитанию ребенка Фантины, Козетты.

Быстрый, как пожар, ход действия занимает приблизительно половину первого акта, длящегося около двух часов. Спектакль продолжается в неровном ритме, переходя от житейских эпизодов к общественным событиям,

среди которых — обреченное на гибель восстание 1832 года.

Смысл этой намечавшейся революции обозначен лишь в самом общем виде, так же, как и взгляды, определившие дружбу между уличным оборванцем Гаврошем (его играет Брэйден Дэннер) и романтически настроенным студентом Мариусом (Дэвид Брайан), возлюбленным выросшей Козетты (Джуди Кан). Подобная лаконичность лишь усиливает отзвук, который встречает пьеса: она скорее воздействует на чувства зрителей, чем вызывает идеологические дискуссии.

Движущая сила спектакля — Колм Уилкинсон, исполнитель роли Вальжана. У этого ирландского певца великолепный «роковый» голос, ему удается подчеркнуть огромный моральный авторитет Вальжана и в сценах, показывающих благородство его натуры, и в сценах, демонстрирующих вспышки его неудержимой ярости. В труппе, играющей «Отверженных» на Бродвее, помимо Уилкинсона, участвует лишь одна актриса — Френсис Раффл,— из тех, кто был занят в первоначальной постановке на сцене Лондонского Вест-энда. Но американские актеры ничем не уступают своим лондонским коллегам.

Интересно, что альбом с записями арий мюзикла «Отверженные» появился раньше, чем театральная постановка. Создатели мюзикла — французы, композитор Клод-Мишель Шёнберг и поэт Алэн Бублил,— многим обязаны жанру рок-оперы, например, такой, как «Иисус Христос — суперзвезда». В первоначальном варианте, поставленном в 1980 году в парижском Дворце спорта, мюзикл «Отверженные» длился чуть более половины теперешнего времени и состоял из дюжины «живых картин». Но год спустя импресарио Макинтош услышал пластинку и пришел к выводу, что партитура носит настолько ярко выраженный сценический характер, что решил поставить новый, английский вариант. Так «Отверженные» стали самым захватывающим событием музыкальной театральной жизни и Лондона и Нью-Йорка.

Перевел с английского
Ан. ГРАЧЕВ

ЭТО — «БОЛЬШАЯ СТРАНА»

Дэвид ТОМПСОН,
американский журналист

После окончания гастролей в Японии шотландская группа «Биг кантри» («Большая страна») вернулась в свой родной город Данфермлин. Лишь полгода музыканты не были дома, а будто увидели его другими глазами: все переменилось! Они узнали, что закрылось еще несколько фабрик и прибавилось в городе безработных, началась всеобщая забастовка шотландских горняков...

Первый альбом «Биг кантри» выпустили в 1983 году, он назывался «Перекресток». Что можно сказать об этой пластинке? Обыкновенный гитарный рок (правда, поданный с большой фантазией) и заурядные тексты. Ура рок-н-роллу! У-ух, мы какие парни! — вот и все их содержание. Тем не менее пластинка пробилась в верхнюю часть хит-парадов Англии и США. Ребята, естественно, радовались ее перемещению снизу вверх. Но в одиночку. Жителям Данфермлина было не до музыки. Бедственное положение города и героическая борьба его жителей за право на труд и жизнь стали содержанием песен, которые вошли во второй альбом «Стальной город».

«Никто не ожидал, что мы выпустим такую пластинку,— говорит лидер группы Стюарт Адамсон.— Все думали, что мы будем продолжать линию «Перекрестка», хотя какая уж там линия, сплошное словоблудие!» И если «Перекресток» можно назвать гимном во славу рок-н-ролла, призывом к битве под его знаменами, к битве вообще, неизвестно за что и против кого, просто в избытке юношеской энергии, то «Стальной город» — это трезвый взгляд на жизнь, иногда ироничный, но все равно — взгляд, которому рок-н-ролл придает острое эмоциональное напряжение. Страстный голос Адамсона с трудом прорывается сквозь грозный рокот гитарного дуэта, дерзкие тексты, которые пишет тот же Адамсон, полны непримиримости: он все видит в черно-белом изображении, он не признает полутонов. Теперь Адамсон с той же безоглядной отвагой, с какой защищал славный рок-н-ролл, громит политику американской администрации (песня «Пламя западной цивилизации»), с репортерской точностью воспроизводит события, которые привели к закрытию местной фабрики (песня «Стальной город»). Такое изменение во взглядах музыкантов не осталось незамеченным: хотя песня «Стальной город» и вышла на первое место в английском хит-параде, но весь альбом не попал даже в сотню лучших. Зато рок-музыку, вскрывающую социальные язвы общества, горячо приветствовал дед Адамсона, один из первых коммунистов Шотландии.

«Видите ли, то, о чем мы поем, слишком реально, особенно видно это на фоне других групп, они словно на другой планете живут,— мрачно замечает Адамсон.— Но рок-музыка не будет иметь никакого смысла до тех пор, пока не станет рупором живущих вокруг нас людей. Я считаю, что рок должен быть более народным, что ли, ближе к людям.

Любая музыка должна быть действующей, живой частью общества. Сегодня музыка вошла в наши будни, она всегда с нами, в ней должны быть мысли и чувства наших дней, настоящие, реальные. Музыка тогда настоящая, если она суть нашего мира, а не фантастический вымысел, полный обворожительных красоток и бешено мчащихся роскошных автомобилей. Что касается меня, то я ненавижу модерновую, суперсовременную музыку за ее отрыв от будней — в том, что они такие мрачные, виновата и ненастоящая музыка».

Отношение музыкантов к творчеству уходит корнями в их личный опыт: отец Адамсона работал шахтером, рыбаком на сейнере, пытался выучиться на штурмана, но кончилось тем, что стал обыкновенным безработным. Песня «Великая дележка» говорит о социальной пропасти между руководством и рядовыми членами профсоюзов: тему этой песни «подбросил» приятель Брюса Уотсона, гитариста «Биг кантри», когда-то они вместе работали в доке.

В состав «Биг кантри» входят: Стюарт Адамсон — вокал, гитара, Брюс Уотсон — гитара, Тони Батлер — бас-гитара, и Марк Бржезицки — ударные. Адамсон начинал в довольно известной шотландской группе «Скидс» (буквально: «Занос автомобиля».— *Пер.*), которая оказала влияние даже на такого гитариста, как Эдж из Ю-2 [1]. В «дублирующем» составе «Скидс» играл Брюс Уотсон, а Батлер и Бржезицки были сейшнменами (исполнителями, нанимаемыми для записи пластинки или на один концерт.— *Пер.*) в Лондоне. Они познакомились в 1981 году и в 1982 году, объединившись, записали сорокапятку «Море огня»: песня была направлена против фолклендской авантюры Великобритании [2].

Последняя, третья пластинка «Биг кантри» вышла год назад — она называется «Провидец». В музыкальном отношении она несколько отличается от двух предыдущих: хотя основные признаки «Биг кантри» — гитарная связка Адамсон — Уотсон, уходы вокала «в область ультразвука», мощная ритм-секция — налицо, видимо, смена продюсера оказалась решающим фактором в некотором смягчении жесткости звучания инструментов. Новый продюсер «Биг кантри», Робин Миллар, ранее работавший с Шадей и некоторыми группами, играющими электро-поп, направил шквал звуков в разумное русло, выделив из него яркие мелодии, которые на двух прежних пластинках просто не были слышны.

К уже привычным социальным песням группы добавились довольно неплохие лирические баллады, как, например, «Оглянись» и «Обуздай свое сердце». Песни «И я взошел на этот холм», «Одна нужная вещь» и «Эйледон» можно назвать гимнами во имя будущего без войн. Есть здесь и песня «Учитель», в которой Адамсон поднимает очень непростой вопрос: кто будет завтра учить наших детей мудрости, если завтра состоится? Заглавная песня пластинки «Прорицатель» (в ее записи принимала участие Кейт Буш), мрачный прогноз все того же завтра, несколько выпадает из общего оптимистического строя композиций этого диска. Но, увы, прогноз может оказаться и провидческим, если над глупостью «ястребов» не возобладает наш с вами здравый смысл.

Перевел с английского С. ЕВГЕНЬЕВ

[1] *О группе Ю-2 «Ровесник» писал в № 10 за этот год.*

[2] *Речь идет об агрессивных действиях правительства консерваторов при решении англо-аргентинского конфликта вокруг Фолклендских (Мальвинских) островов.— Прим. ред.*

4 июля этого года в Москве состоялся первый за всю историю советско-американских отношений совместный гала-концерт советских и американских артистов. Он стал завершающим этапом советско-американского «Похода за мир и разоружение». С советской стороны в нем участвовали джазовые коллективы, исполнители русских народных песен, эстрадные певцы, рок-группа «Автограф». С американской — исполнители музыки кантри, рок-группа «Дуби бразерз» и один из самых известных исполнителей и композиторов рока — Карлос Сантана со своим ансамблем. На снимке вы видите фрагмент этого концерта.

Фото С. ПАНИНА

РОК ПРОТИВ ПИНОЧЕТА

Мартин РУИС,
чилийский журналист
(журнал «Араукариа де Чиле»)

Мы живем в эпоху рока, и только упрямцы пытаются игнорировать или отрицать этот факт. Рок сегодня — полноправное культурное отражение современности, хотя мы, чилийцы, по-прежнему черпаем силы и в Бахе, и в Моцарте, и в Бетховене, услаждаем свою национальную ностальгию танго Гарделя или мексиканскими «корридо».

Есть очевидные истины. Одна из них — молодежь терпеть не может неподвижности, она заряжена энергией, которую не в силах сдержать. Такова истина для всего мира. Есть и наши чилийские оттенки этой истины. Нашу молодежь невозможно запеленать в традиции, она не позволяет превращать себя в конформистскую. У нас в Чили, впрочем как и повсюду в мире, рок постоянно обновляется, создает новые стили, свергает старых идолов, водружает на пьедестал новых кумиров.

Ошибаются те, кто думает, что весь рок — не более чем лишенный смысла грохот. Но ошибаются и те «прогрессивные» люди, которые, сообразуясь с собственными вкусами, заявляют, что рок подобен наркотикам или культурному колониализму, который порабощает молодежь, потому что она, как полагают, незрела и легко может стать жертвой «чуждого» влияния.

Все не так. Рок — почти всегда динамичное и пламенное проявление поколения, которое не желает мириться со старыми моделями и стремится к новой жизни. Нет более решительных противников войны и «ядерной зимы», чем поклонники рока. Во весь голос они осуждают тех, кто хочет лишить будущего человеческий род, они изгоняют милитаризм из своего шумного мира, который стремятся сделать братским и свободным от насилия, алчности и злобы.

Чилийских рокеров иногда называют «неблагодарными детьми Пиночета»: в 1973 году, когда Пиночет сверг законного президента Чили Сальвадора Альенде, этим ребятам было лет по восемь. Сегодня они восстают против его правления. Один из наиболее популярных коллективов — «Лос присьонерос» («Узники»). В группе трое молодых людей: Хорхе Гонсалес, Клаудио Нареа и Мигель Тапиа. Все они родились в одном и том же квартале чилийской столицы, учились в одной школе, дружили с одними и теми же девушками. Два года назад они создали свой ансамбль.

Они никогда не входили ни в одну из партий, так как не получили политического образования. Но музыканты из «Лос присьонерос» прекрасно понимают, что их работа не может не раздражать приспешников диктатуры. Они понимают, почему на их концертах часто «случайно» отключается электроэнергия или же городские власти запрещают выступление, когда зал уже полон и музыканты готовятся выйти на сцену. Им также никогда не разрешали выступать по телевидению или на крупном фестивале музыки в Винья-дель-Мар, где выступают официально приглашенные зарубежные группы. «Гости играют бессодержательный рок, и режим Пиночета чувствует себя спокойно, очень спокойно, когда звучит такая музыка»,— говорит Хорхе.

Кредо «Лос присьонерос» — привлечь внимание молодежи к серьезнейшим проблемам своей страны. Они поют: «Мы — сила, мы — перемены. И ты не должен видеть лишь нынешний день. В восьмидесятые годы наступит твой звездный час. Из чрева наших городов рождается материя нового мира». Участники группы так определяют свою позицию: «Конечно, мы поем с чувством боли. Мы противники капитализма, нам нравится социализм. Мы против диктатуры, и мы по горло сыты социально-экономическим неравенством».

Концерты рок-музыки в Чили привлекают множество людей, и песни любимых ансамблей стали для молодых чилийцев орудием протеста, выражением их взглядов, их чаяний и их решимости противостоять ударам диктатуры. Порой исполнители чилийской рок-музыки обрушиваются с критикой на посредственных фольклористов, которых обвиняют в том, что они дали подкупить себя «аплодисментами дурного тона».

Ансамбль с ироничным названием «Пиночет бойс» («Мальчики Пиночета») недавно принял участие в антиправительственной демонстрации. В своих песнях он высмеивает музыкантов, которые поддаются нажиму диктатуры:

Никто не может не плясать
Под музыку Генерала.
Пусто в холодильниках
И пусто в умах.

Чилийские рок-музыканты — это студенты, рабочие, безработные. Инструменты, на которых они играют, в большинстве случаев весьма примитивны. Зато у них не бывает недостатка в слушателях. Где бы они ни появились, везде собираются многотысячные толпы. Чилийские рок-музыканты интересуются «течениями» рока в других странах, которые они приспосабливают к своим условиям. Они уверяют, что их песни служат освобождению Чили от диктатуры.

ДЖАЗ— ОТКРЫТАЯ МУЗЫКА

Фрэнсис ДЭВИС, американский журналист

АМЕРИКАНЦЫ УДИВЛЕНЫ

«В качестве наглядной иллюстрации явления второстепенного можно привлечь образ русского джазиста»,— размышляет герой последнего романа американского писателя Скотта Спенсера «Пробуждая мертвых». Автор, позволяя себе это замечание, рассчитывает на рядового американца, чье знание о джазе ограничивается убежденностью в том, что джаз — достояние исключительно Америки. В действительности рэгтайм был знаком русским уже в 1910 году, если не раньше. Более того, русские пробовали силы в различных направлениях джазовой музыки, от диксиленда до «свободной формы», невзирая на то, что в 30-е годы не могли определить своего отношения к джазу: видеть ли в нем выражение свободолюбия со стороны угнетенной черной расы, или потребительский товар Запада? На Западе же на протяжении десятилетий бытовало мнение, будто русский джаз — музыка невысокого уровня, поскольку у русских джазистов не было черных предшественников. Однако, когда в начале 80-х годов фирма грамзаписи «Арлекин» выпустила пластинку «Джаз в России: 1910—1963», знатоки обнаружили, что еще в 30-е годы в СССР были прекрасные исполнители в стиле свинг — руководитель оркестра Леонид Утесов и пианист Александр Цфасман.

Современный джаз стремительно превращается в музыкальный феномен, принадлежащий всему миру. И справедливо было бы допустить, что русские музыканты тоже вносят в него свою лепту. Однако широкая публика все же была удивлена и поражена высоким уровнем музыки и профессиональным мастерством советского джазового трио ГТЧ, гастроли которого прошли в 1986 году в США.

Трио из литовского города Вильнюса получило возможность гастролировать по Америке благодаря соглашению о культурных связях, подписанному Михаилом Горбаче-

вым и Рональдом Рейганом во время встречи в Женеве. Трехнедельное турне началось в Нью-Йорке с последующим посещением еще 14 городов. Состав группы: пианист и композитор Вячеслав Ганелин, саксофонист Владимир Чекасин и ударник Владимир Тарасов. Группа уже выступала в Великобритании, ФРГ, Голландии, Франции, Италии, Австрии и Португалии. Но в США о существовании трио знала только горстка знатоков по двум альбомам, выпущенным советской фирмой «Мелодия», и пластинкам, изданным небольшой фирмой «Лео Рекордс». Выступления трио в Филадельфии и Сан-Франциско подтвердили статус группы как одной из первых среди авангардного джаза.

Вячеслав Ганелин — музыкальный руководитель в Русском драматическом театре Вильнюса, Владимир Чекасин преподает в Вильнюсской консерватории, Владимир Тарасов — оркестрант Литовского государственного симфонического оркестра.

Хотя музыка, исполняемая трио, кажется бурливой, порой даже воинственной, тем не менее подача всех произведений хорошо продумана и мотивирована. В произведениях Ганелина нет четко выраженной границы между темой и импровизацией, и в этом он походит на Сэсила Тэйлора, схож он с ним и как пианист-исполнитель. Вместе с тем его лирические пассажи напоминают манеру игры Сергея Рахманинова или Владимира Горовца. Ударные инструменты используются очень активно. Тарасов выбивает колдовские ритмы, используя массу приспособлений — отдельные колокольцы и их подбор, шейкер и даже жестянки. Использование мелких ударных характерно для современных негритянских ансамблей, в частности, «Арт-ансамбля» из Чикаго. Подобно им, Ганелин и Чекасин — полиинструменталисты: Ганелин добивается фантастических басов, прибегая к помощи электронных клавишных; Чекасин выдувает пронзительные звуки из двух саксофонов одновременно, своей страстностью напоминая манеру джазового исполнителя Петера Брётцманна. Полиинструментализм придает выступлениям трио театральную атмосферу, некоторый налет буффонады (особенно заметно это при исполнении знаменитой пьесы «Мэкки-Нож» из «Трехгрошовой оперы» Бертольта Брехта и Курта Вайля). Но, говоря столь часто о сходстве с западными собратьями, следует сразу исключить вывод о вторичности музыки ГТЧ. Хотя репертуар трио довольно традиционен для современного джаза, использование классической и народной музыки в общем джазовом решении настолько оригинально, что трудно точно указать источник изобретательности группы. Иные из критиков, не найдя лучшего определения, объясняли эту изобретательность «подспудной склонностью славян к абстрактному мышлению». Сложно, но невразумительно, как всегда, когда словами мы хотим объяснить особенности музыкального дара.

Пресса уделила турне большое внимание, выступлениям В. Ганелина, В. Тарасова и В. Чекасина были посвящены две телепередачи. Благодаря широкой рекламе и естественному любопытству к любому советскому экспорту недостатка в слушателях не было, хотя некоторые критики утверждали, что трио может вызвать интерес только у поклонников авангардного джаза. Одна американка, относящая себя к любителям этого жанра, заявила, что она была рада послушать ГТЧ, но «только один раз», и пожелала, чтобы игра музыкантов была «более американской». Интересно, что бы сказала эта «любительница», если бы послушала Сэсила Тэйлора, Энтони Брэкстона или чикагский «Арт-ансамбль»?

Некоторые из журналистов, оставаясь в плену стереотипов, по старинке уверяли, что в СССР положение джаза оставляет желать лучшего. В частности, в одной из телепередач говорилось о ленинградском пианисте Сергее Курехине, который, не будучи членом Союза композиторов, в отличие от В. Ганелина не имеет якобы права записывать пластинки на фирме «Мелодия» и давать концерты. Тем не менее концерты Сергея Курехина вполне официально устраиваются джазовыми и роковыми клубами Москвы и Ленинграда.

Не исключено даже, что у Курехина больше шансов добиться записи на «Мелодии», чем у американского джазиста — на американской фирме. В Америке пионеры новых направлений джаза тоже «неофициальны» в том смысле, что не относят свою музыку к массовой культуре и мало приспособлены к конкуренции. Во всяком случае, пример ГТЧ говорит о том, что у этих исполнителей есть и массовая аудитория и последователи: трудно представить, что, предположим, «Уорлд саксофон квартет» мог бы выпустить свои альбомы тиражом 65 тысяч, как трио Ганелина.

Перевела с английского
Т. ЛАНИНА

ФРАНЦУЗЫ УДОВЛЕТВОРЕНЫ

Даниэль САЛЬК,
французская журналистка

Неожиданная очередь перед клубом «Нью Морнинг» на улице Пти-Зекюри в десятом округе Парижа. И неожиданный концерт в этом столичном храме джаза. Зал переполнен. Музыканты — не французы, не англичане, не американцы. Русские. Трио Ганелина — впервые во Франции.

— Как в вашей стране люди встречаются с джазом?..

Вячеслав Ганелин: Мне было тринадцать лет... Я импровизировал на фортепьяно, но не знал, что играю джаз. В Вильнюсе в то время было молодежное кафе, где выступали поэты, выставлялись художники, приезжали музыканты из Москвы и Ленинграда. Понемногу я понял, что то, что играл, — это джаз.

Владимир Тарасов: В 12 лет я услышал Армстронга. Я жил тогда в Архангельске. Моряки привозили из плаваний пластинки Колтрейна, Коулмена и Армстронга. Так я встретился с джазом. В 14 лет я начал играть в клубе моряков: я играл джаз...

Владимир Чекасин: Как я встретился с джазом? Шел по улице... Смотрю, он лежит на мостовой. Я его поднял, и мы пошли вместе. Я жил на Урале, в Свердловске. Играл импровизации. До сих пор их и играю. Это не в прямом смысле джаз.

В. Тарасов: Поработав в разных городах и с разными музыкантами, Ганелин и я как-то познакомились в Вильнюсе. Я тогда играл в филармонии. Мы создали дуэт. Через несколько лет, в 1969 году, мы оказались на концерте в Свердловске. Нам сказали, что в городе есть блестящий саксофонист. Пошли к нему в гости. Так собралось наше трио.

— Вы работаете порознь?

В. Чекасин: Конечно. Ганелин пишет музыку для театра, кино, балета. И преподает в музыкальном училище и консерватории. Я выступаю как солист в филармонии. Именно то, что мы, как и раньше, часто выступаем с другими группами, дает нам возможность играть вместе, когда нам этого хочется.

— Как вы составляете свою программу?

В. Тарасов: Это зависит от зала, где мы должны выступать, и от того, какая в нем публика. Как правило, мы начинаем выступление с «Симпличе ма нон троппо» — это наш талисман, мы играли ее на наших самых первых концертах.

— Случается вам играть «коммерческие» вещи или вы такую музыку презираете?

В. Тарасов: Мы считаем так: мы должны работать честно, чтобы не тошно было жить. Случается играть музыку, которая нам нравится меньше, но я бы не сказал, что мы ее презираем. Просто есть другая музыка, которая нас трогает больше.

— И кто ваша публика?

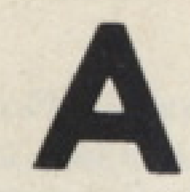
В. Тарасов: Старше двадцати лет. Тенденция во всех странах общая: джаз везде немного элитарен.

— Есть ли и сейчас в СССР люди, которые не признают джаза?

В. Тарасов: Конечно. Одни яростно противятся джазу как таковому. Другие любят только Армстронга...

В. Ганелин: Что касается нас, вопрос стоит так: то, что мы играем, джаз или нет? Потому что наша музыка близка и другим музыкальным направлениям, в ней присутствуют музыкальные влияния, которые современная музыка не может игнорировать. Нельзя выразить себя, играя только в одном стиле: это скучно. Нам нравится музыка контрастная. Интересна она именно тем, что можно эти контрасты объединить или хотя бы сблизить, создавая парадоксы. Но без эклектики. Так, чтобы внутри разных музыкальных направлений все же был свой внутренний единый стержень. Потому что джаз — открытая музыка!

Перевел с французского
С. ВИКТОРОВ

«ASHTON, GARDNER AND DYKE» («Эштон, Гарднер энд Дайк»). Англичане Тони Эштон, клавишные, вокал; Ким Гарднер, бас, и Рой Дайк, ударные, стали широко известны уже в середине 60-х годов как музыканты, работающие по приглашению — сейшнмены. Создав группу (1968 год), они стали исполнять такой яркий хард-рок, что на них обратили внимание ветераны английского рока Эрик Клэптон и Джордж Харрисон: Клэптон исполнил все гитарные партии в дебютной пластинке, которая вышла в 1969 году («Эштон, Гарднер энд Дайк»), а Джордж продюсировал эту работу. В 1970 году группа отправилась в кругосветное турне, и вышедшая в 1971 году пластинка «Худшие песни Эштона, Гарднера и Дайка» стала популярной даже в США, что в те годы было символом успеха. «Какой же это был чертовски длинный день!» — третья и последняя работа группы оказалась менее удачной, чем две предыдущие, и как следствие — вновь работа «по найму».

В 1976 году Иэн Пейс и Йон Лорд, барабанщик и клавишник «Дип перпл», пригласили Эштона принять участие в их собственном музыкальном предприятии: новая группа, «Пейс, Эштон энд Лорд», выпустив одну пластинку «Злоба в волшебной стране», отправилась в гастрольную поездку и, не завершив ее, распалась.

В 1979 году Эштон принял участие в концерте «Рок-звезды мира в помощь народу Кампучии», с тех пор о нем ничего не слышно. Ким Гарднер в настоящее время сотрудничает с Билли Бернеттом.

«ASIA» («Эйша»). «Азия» — одна из так называемых супергрупп, английские музыканты, вошедшие в ее состав, уже зарекомендовали себя виртуозами жанра, и их высокая репутация заведомо гарантировала успех любой совместной работе (группа образовалась в 1981 году в Лос-Анджелесе, США).

Барабанщик Карл Палмер играл в «Этомик рустер» («Атомный петушок»), авангардной группе 60-х годов, потом почти десять лет был членом известного трио ЭЛП. Гитарист Стив Хауи и клавишник Джеффри Даунес выступали в группе «Йес», кроме того, Даунес работал в группе «Багглз». Но самый солидный опыт был за плечами бас-гитариста и вокалиста Джона Уэттона: в разное время он входил в состав групп «Фэмили», «Кинг Кримзон», «Юрайя Хип», «Рокси мюзик» и «Ю-Кей».

Первая же пластинка «Азии» (1982 год) мгновенно стала «платиновой», а композиция «В то мгновение» до сих пор появляется в английских хит-парадах. Но после первой, достаточно солидной (хотя и с некоторым налетом эстрадности) работы вторая пластинка «Альфа» (1983 год) показалась публике и критикам откровенно скучной. Возможно, причиной был уход Уэттона, хотя его и заменил Грег Лейк.

В 1984 году из «Азии» ушел Хауи и вместе с бывшим гитаристом «Генезиса» Стивом Хэкеттом организовал другую супергруппу — «Джи-Ти-Ар». Палмер реанимировал группу своей молодости «Атомный петушок». В 1985 году основательно потрепанная изменениями состава «Азия» записала третий и последний альбом «Астра». Один английский музыкальный обозреватель заметил: «Как и две предыдущие пластинки, эта тоже начинается на букву «А». Больше о ней сказать нечего».

«ASSOCIATION» («Эссоусиэйшн»). Группу «Ассоциация» образовали в конце 1965 года в Лос-Анджелесе Терри Киркмен — клавишные, вокал (до этого он играл в нескольких группах, в том числе недолго и в «Матерях изобретения» Фрэнка Заппы), и Жюль Александер — гитара, вокал. К ним присоединились Брайан Коул — бас-гитара, вокал; Джим Йестер — гитара, вокал; Расс Джигере — гитара, вокал; Тед Букель — ударные.

К августу 1966 года группа уже имела в своем активе два полноценных хита, возглавивших американский хит-парад: «А вот идет Мэри» и «Нежная забота». Спустя месяц музыканты записали первую долгоиграющую пластинку «И потом... появилась «Ассоциация», уровень исполнительского мастерства был довольно высоким, учитывая, что это первая серьезная работа музыкантов. «Мягкий рок» (так сегодня назвали бы стиль группы) и балладная форма композиций привлекли внимание слушателей, и в 1967 году «Ассоциация» выпустила вторую пластинку «Ренессанс». Две песни этого диска — «Ветреный день» и «Никогда, моя любимая!» — заняли первое и второе места в списках популярности.

Вскоре из группы ушел Александер, и на его место музыканты пригласили Ларри Рамоса — гитара, гармоника, вокал. Вместе с ним «Ассоциация» записала альбом «Интуиция» (также 1967 год). В 1968 году группа выпустила пластинку «День рождения», которая оказалась столь же удачной, а композиция «Все, что тебя волнует» вновь попала в верхнюю часть хит-парадов.

Через год в группу вернулся Александер, и «Ассоциацию» пригласили для записи музыки к фильму «Прощай, Колумбус!» по одноименному роману известного американского писателя Филиппа Рота. Александер и Киркмен написали главную музыкальную тему, и, когда в 1969 году они включили ее в одноименную пластинку, успех композиции был ошеломляющим.

От мягкого, не очень мудреного рока группа постепенно переходила к столь же незатейливому авангарду: пластинка «Ассоциация», которая также вышла в 1969 году, по инерции заинтересовала слушателей, но откровенно слабое воплощение интересных замыслов вызвало разочарование поклонников.

В 1970 году из группы ушел Джигере и появился Ричард Томпсон — гитара, вокал. «Ассоциация» предприняла гастрольную поездку (концертная запись появилась в конце 1970 года), а в 1971 году выпустила пластинку «Выключи свой двигатель»: музыканты попытались вернуться к прежней манере исполнения, но публика не приняла эту работу. В 1972 году вышла пластинка «Больничные койки Тринидада», она стала последней: смерть Брайана Коула и неумолимость публики заставили музыкантов прекратить записи и переключиться на работу в небольших клубах. В 1981 году была сделана попытка записать пластинку, но результаты репетиций оказались настолько удручающими, что продюсер отказался заключить контракт.

ATKINS, CHET. Чет Эткинс родился 20 июня 1924 года в штате Теннесси, США, получил приличное музыкальное образование и с 18 лет был штатным гитаристом и скрипачом на радиостанции города Ноксвилла. В конце 40-х годов Эткинс уже выступал с сольными концертами, был известен как студийный музыкант и сейшнмен.

В конце 50-х Эткинс занял пост вице-президента одной из самых крупных американских фирм грамзаписи Ар-си-эй, совмещая с исполнительской работой продюсерскую. Эксперименты Эткинса с гитарой оказали большое влияние на становление рок-н-ролла: характерный «рок-н-ролльный» гитарный звук — его находка. Эткинс сотрудничал с такими музыкантами и исполнителями, как Эдди Арнольд, Перри Комо, Рой Орбисон, Элвис Пресли, братья Эверли. Он записал более 30 сольных альбомов, а в 1973 году за заслуги в области музыки его избрали в символический «Зал музыкальной славы» (по результатам опросов американских критиков и публики в «Зал» избираются певцы, музыканты, продюсеры, композиторы и поэты, внесшие свой вклад в развитие популярной музыки).

«ATLANTA RHYTHM SECTION» («Этлэнта ритм секшн»). К моменту встречи все члены «Ритм-секции Атланты» уже имели солидный опыт работы: Кобб — гитара, и Дин Дотри — клавишные, играли в «Клэссикс IV», Дотри также сотрудничал с группой «Кэндимен». Решение создать собственную группу возникло во время работы над сольной пластинкой Роя Орбисона в 1970 году. К записи этой пластинки (1972 год) пригласили Родни Джасто, но вскоре его заменил Ронни Хэммонд.

Стиль «Ритм-секции Атланты» — несколько приглаженный «новый южный рок» (см. «Группа братьев Оллмен»), к которому были добавлены необычные студийные эффекты. Дебют прошел удачно, публика заметила новую группу, и вторая пластинка «Спиной к стене» (1973 год) получила благожелательный отзыв музыкальной прессы. Группа приобретала солидную репутацию, в чем не последнюю роль сыграли ежегодные гастроли, неизменно проходившие при переполненных залах. Международное признание пришло в 1977 году, когда альбом «Альтернатива рок-н-роллу» стал «золотым» в Англии. В 1978 году барабанщик Никс покинул группу, и его место занял Рой Йегер. Выпущенная в том же году пластинка «Пробка из-под шампанского» стала «платиновой».

За более чем десятилетнее существование стиль «Ритм-секции Атланты» практически не изменился, хотя музы-

канты ввели новые электронные инструменты, которые используют мастерски и умеренно. Последняя работа группы — пластинка прошлого года «Солнце над Милуоки».

«ATOMIC ROOSTER» («Этомик рустер»). Группу «Атомный петушок» организовали в 1969 году Винсент Крейн — клавишные, и Карл Палмер — ударные, оба до этого выступали в известной группе «Безумный мир Артура Брауна» (еще раньше Палмер играл некоторое время в группе Криса Фэрлоу «Тандербёрдз»). Бас-гитаристом стал Ник Грэхем, а партию гитары на первой пластинке, которая вышла в 1970 году, исполнял сам Крейн. «Этомик рустер» играли интересный джаз-рок, они разработали множество музыкальных приемов, которые и по сей день используют авангардные музыканты.

В 1970 году Карл Палмер вышел из состава группы и присоединился к Эмерсону и Лейку, создав вместе с ними трио «Эмерсон, Лейк энд Палмер». Его место за ударными занял Пол Хэммонд, появился «чистый» гитарист Джон Кэнн, но в связи с уходом Грэхема Крейну вновь пришлось совмещать клавишные с другим инструментом, на сей раз с бас-гитарой. В таком составе «Этомик рустер» записали две пластинки: «Смерть идет за тобой по пятам» (1970 год) и «На репетиции» (1971 год.)

Затем вновь произошла смена состава, и четвертую пластинку «Сделано в Англии» (1982 год) записывали Винсент Крейн (единственный ветеран); Рик Пернелл — ударные; Стив Балтон — гитара, и вокалист Крис Фэрлоу (бывший коллега Палмера по «Тандербёрдз»).

При записи следующей пластинки — «Этомик рустер-4» — была сделана попытка ввести в джаз-рок элементы хард-рока, и результат оказался довольно удачным, возможно, в связи с приходом очередного гитариста Джона Манделлы, признававшего только хард-рок.

В 1973 году группа выпустила альбом «Аккуратный и напомаженный», который пока считается лучшим в коллекции «Петушка». После этого музыканты снова начали уходить от Крейна, и у него уже не было ни сил, ни желания рекрутировать новых: «Этомик рустер» распался, хотя сборники, составленные из неизданных ранее вещей, продолжали выходить до начала 80-х годов.

В 1985 году Карл Палмер, закончивший свое сотрудничество с «Азией», обратился к Винсенту Крейну (теперь директору независимой фирмы грамзаписи «Мьют») с предложением воскресить «Петушка». Крейн согласился, и два музыканта записали методом студийного наложения альбом «Это снова «Этомик рустер», который вышел в конце 1985 года.

AUGER, BRIAN. Английский пианист Брайан Оджер начинал как джазовый музыкант, но затем пришел к выводу, что ему ближе синтез джаза и рока, и все его последующее творчество было связано с созданием необычных джаз-роковых музыкальных гибридов.

В 1965 году Оджер освоил электроорган и, пригласив бас-гитариста Рика Брауна и барабанщика Мики Уэллера, организовал группу «Троица Брайана Оджера». Затем «Троица» переименовалась в «Стимпэкет» и превратилась из инструментального трио в вокально-инструментальный секстет: в группу пришли вокалист Джон Болдри, тогда еще почти никому не известный Род Стюарт и бывшая манекенщица Джули Дрисколл. «Стимпэкет» играли ритм-энд-блюзы, удачно балансируя между джазовой структурой этого исконно негритянского стиля и новыми аранжировками, появившимися в конце 50-х годов. В середине 1966 года Стюарт и Болдри вышли из состава группы, и «Стимпэкет» распался.

В 1967 году Оджер собрал новую «Троицу», в которую вошли: Дэйв Эмброз — бас; Клив Тэкер — ударные; Гэри Бойл — гитара. Из прежнего состава остались лишь сам Оджер и Джули Дрисколл. В этом же году группа записала первую пластинку «Открыто!», в 1968-м вышла «Определенность», но лишь третий альбом «Шумы улицы» (1969 год) наконец привлек внимание

слушателей, а композиция «Спаси меня!» стала европейским хитом. В 1970 году, уже без Дрисколл, «Троица» выпустила очередной диск и развалилась.

Оджер собрал новую группу — «Экспресс «Забвение», в которую вошли: Робби Макинтош — ударные (позже он присоединился к группе «Эверидж уайт бэнд»); Джим Маллен — гитара, и Бэрри Дин — бас. В альбомах этой группы Оджера — «Экспресс «Забвение» и «Лучшая страна» (1971 год), «Второй виток» (1972 год), «Совсем близко» (1973 год) и «Прямо по курсу» (1974 год) — остро ощущалось влияние Карлоса Сантаны. С 1972-го по 1974 год вокалистом «Экспресса» был Алекс Лигертвуд, позже вошедший в состав группы Сантаны.

В конце 1974 года «Экспресс «Забвение» дал серию концертов, которые, пожалуй, впервые показали слушателям, что Оджер не так уж слепо подражает музыке мексиканского виртуоза: композиции, составлявшие основу этих концертов, явно тяготели к арт-року, хотя и не без джазовой «подкладки» (в одном из концертов принял участие выдающийся английский гитарист Джимми Пейдж). В 1975 году распалась и эта группа Оджера. Он издал несколько пластинок с ранними записями «Стимпэкет» и увлекся синтезатором: в 1977 году он записал альбом «Счастье — сердечная боль», в котором удачно соединил все существовавшие в тот момент музыкальные стили, начиная от хард-рока и кончая «новой волной». В 1978 году Оджер пригласил Джули Дрисколл (по мужу Гиппеттс) и записал свой последний диск «Бис!». Сейчас Оджер живет в Сан-Франциско и обучает дошкольников игре на фортепиано. По словам самого музыканта, он вполне счастлив и не испытывает желания возвращаться в «большой рок».

В НОМЕРЕ:

Главный редактор А. А. НОДИЯ

Редакционная коллегия: В. А. АКСЕНОВ, В. Л. АРТЕМОВ, Я. Л. БОРОВОЙ, С. М. ГОЛЯКОВ, С. А. КАВТАРАДЗЕ, В. Б. МИЛЮТЕНКО, В. П. МОШНЯГА, Д. М. ПРОШУНИНА (зам. главного редактора), Н. Н. РУДНИЦКАЯ, Э. М. САГАЛАЕВ, В. Г. СИМОНОВ, С. Н. ЧЕЛНОКОВ

Художественный редактор Т. Н. Филипповская
Оформление И. М. Неждановой
Технический редактор М. В. Симонова

Адрес редакции: 125015, Москва, ГСП, Новодмитровская ул., 5а. Телефон: 285-89-20. Перепечатка материалов разрешается только со ссылкой на ежемесячник.

Сдано в набор 07.09.87. Подписано к печ. 13.10.87. А13174. Формат 84×108 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,36. Усл. кр.-отт. 13,44. Уч.-изд. л. 5,4. Тираж 1 500 000 экз. Цена 35 коп. Заказ 214.
Типография ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес ИПО: 103030, Москва, К-30, ГСП-4, Сущевская ул., 21.

ТАКИМИ НАС ПОКАЗАЛИ В КАНУН 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ИЗДАНИЯ ИТАЛИИ, США, ФРГ, ОТКУДА ВЗЯТЫ СНИМКИ, ПУБЛИКУЕМЫЕ НА ПЕРВОЙ И ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ ЮБИЛЕЙНОГО НОМЕРА «РОВЕСНИКА».

Индекс 70781
Цена 35 коп.

